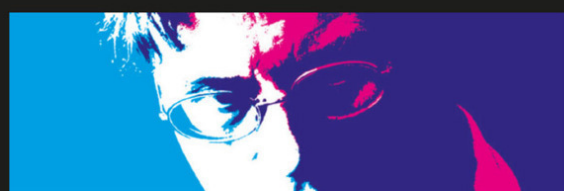

Франсуа Досс

...ЖИЛЬ ДЕЛЕЗ

ФЕЛИКС ГВАТТАРИ ПЕРЕКРЕСТНАЯ БИОГРАФИЯ

Интеллектуальная биография

Франсуа Досс

**Жиль Делёз и Феликс Гваттари.
Перекрестная биография**

«РАНХиГС»

2007, 2009

УДК 17
ББК 87.3

Досс Ф.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография /
Ф. Досс — «РАНХиГС», 2007, 2009 — (Интеллектуальная
биография)

ISBN 978-5-85006-347-4

Жиль Делёз был философом. Феликс Гваттари – психоаналитиком. Жизнь и совместное творчество этих важнейших фигур французской интеллектуальной жизни второй половины XX века – яркий пример политического и интеллектуального расцвета в период мая 1968 года. Делёз (1925–1995) преподавал философию в экспериментальном университете Венсена и, опираясь на глубокое осмысление истории философии, взялся за уникальную работу по созданию концептов. Феликс Гваттари (1930–1992) был профессиональным психоаналитиком и одним из первых учеников Лакана. Участник многочисленных левых движений, он вел практику в психиатрической клинике Ла Борд и создал в 1966 году самоуправляемый научно-исследовательский коллектив – Центр институциональных исследований и образования. Их знакомство друг с другом в 1969 году положит начало большой дружбе и беспрецедентным интеллектуальным приключениям. Начиная с «Анти-Эдипа» и заканчивая «Тысячей плато» и «Что такое философия?», они напишут вдвоем произведения, не имеющие аналогов по своей концептуальной изобретательности и многообразию отсылок, направленные на борьбу с психоанализом и капитализмом. В этой двойной биографии Франсуа Досс, опираясь на работу с неизданными архивными материалами и длительные беседы с многочисленными свидетелями, выявляет логику работы, соединяющей теорию и эксперимент, создание концептов, критическую мысль и общественную практику. Досс исследует секреты уникального совместного творчества, образующего отдельную страницу нашей интеллектуальной истории, до сих пор не утратившую актуальности. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 17
ББК 87.3

ISBN 978-5-85006-347-4

© Досс Ф., 2007, 2009
© РАНХиГС, 2007, 2009

Содержание

Слова благодарности	7
Пролог	9
Часть I	23
Глава 1	23
«Есть такая вкусная Банания»	23
Травматическая сцена	25
Выход из войны	27
Троцкизм	30
Феликс: лаканианец первого призыва	35
Глава 2	38
Преимственность с институциональной психотерапией	38
Новый строитель: Жан Ури	40
Нашествие «варваров»	45
Глава 3	50
Многочисленные институциональные связи	50
Рабочая группа по институциональной психотерапии и социотерапии	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Франсуа Досс
Жиль Делёз и Феликс Гваттари.
Перекрестная биография

François Dosse
Gilles Deleuze et Félix Guattari.
Biographie croisée

Перевод с французского
Инны Кушнарёвой
Под научной редакцией
Михаила Маяцкого

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

“Gilles Deleuze et Felix Guattari: Biographie croisée” by François Dosse

© Editions LA DÉCOUVERTE, Paris, France, 2007, 2009

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО

Слова благодарности

Я благодарю всех тех, кто великодушно поделился со мной своими свидетельствами в ходе интервью, проводившихся с 2004 по 2006 год. Их вклад неоценим. Он стал частью основного материала, позволившего написать эту совместную биографию Жюль Делёза и Феликса Гваттари.

Это Альфред Адлер, Эрик Алье, Дадли Эндрю, Бернар Андриё, Манола Антониоли, Ален Аптекман, Оливье Апрель, Филип Артьер, Зафер Аракагёк, Франсуа Обраль, Даниэль Офре, Жак Омон, Костас Акселос, Ален Больё, Раймон Беллур, Тома Бенатуй, Реда Бенсмайя, Дени Берже, Джузеппе Бьянко, Пьер Бланшо, Паскаль Бонитцер, Джулиан Бург, Кристиан Бургуа, Константин Бундас, Кристиан Бюси-Глюксман, Бернар Каш, Мишель Картри, Паскаль Шабо, Пьер-Антуан Шардель, Ноэль Шатле, Жан Шено, Мишель Симан, Паскаль Критон, Эндрю Катрофелло, Фанни Делёз, Кристиан Декам, Марк-Ален Декам, Жак Донзло, Жан-Мари Дубле, Жан-Клод Дюмонсель, Эли Дюринг, Корин Энодо, Жан-Пьер Фай, Пьеретт Флётто, Франсуа Фурке, Даниэль Франко, Жерар Фроманже, Морис де Гандийяк, Роже Жанги, Фернандо Гонсалес, Фредерик Гро, Лоренс Гросберг, Брюно Гваттари, Эмманюэль Гваттари, Жан Гваттари, Ален и Даниэль Гийерм, Николь Гийе, Сюзанн Эм де Лакотт, Юджин Холланд, Мишель Изар, Элеанор Кауфман, Лоуренс Крицман, Кристина Куллберг, Давид Лапужад, Клод Лемуан, Жан-Луи Лётра, Силвен Луазо, Сильвер Лотренже, Ив Мабен, Норман Мадараш, Робер Маджори, Жозе Маненти, Жан-Поль Манганаро, Патрис Манилье, Мишель Марье, Жан-Кле Мартен, Эрве Мори, Филипп Манг, Ален Мениль, Катрин Мийо, Оливье Монжен, Пьер Монтебелло, Лиан Мозер, Лион Мюрар, Жан-Пьер Мюяр, Стефан Надо, Жан Нарбони, Тони Негри, Мигуэль Норамбуэна, Жан Ури, Франсуа Пэн, Доминик Паини, Жо Панаже, Тьерри Пако, Андре Де Суза Паренте, Джорджо Пассероне, Пол Паттон, Флоранс Петри, Ришар Пина, Рафаэль Пивидаль, Жан-Клод Полак, Матьё Потт-Бонвиль, Дэниэл Прайс, Джон Протеви, Оливье Керуй, Анн Керьян, Давид Рабуэн, Жак Рансьер, Франсуа Реньо, Оливье Рево д'Аллон, Жюдит Ревель, Ален Роже, Жакоб Рогозенски, Сули Рольник, Элизабет Рудинеско, Жан-Мишель Салански, Элиас Санбар, Анн Совань-ярг, Рене Шерер, Доминик Сеглар, Гийом Сибертен-Блан, Даниэль Сивадон, Жерар Сулье, Хиденобу Судзуки, Жан-Батист Тьере, Саймон Торми, Серж Тубиана, Мишель Турнье, Мишель Тюбиана, Ги Трастур, Куниичи Уно, Жанна Ваанен, Поль Вен, Арно Виллани, Тициана Виллани, Дж. Макгрегор Вайз, Фредерик Вормс, Крис Юнес, Дорк Забунян, Франсуа Зурабишвили.

Я также выражаю живейшую благодарность Виржини Лианар за переданные мне тексты интервью, которые она взяла в ходе подготовки своего исследования жизни Феликса Гваттари. Она щедро подарила мне эти исключительные материалы интервью, взятых в 2000 году. Среди тех, кого она проинтервьюировала, были: Эрик Алье, Раймон Беллур, Франко «Бифо» Берарди, Дени Берже, Жаки Берройе, Новелла Бонелли-Бас-сано, Жак Бриер, Бриветт Бюканан, Мишель Бютель, Мишель Картри, Габи Кон-Бендит, Мари Депюссе, Жизель Донар, Жан-Мари Дубле, Элен Дюпюи Де Лом, Мони Элькаим, Патрик Фарбиа, Жан-Пьер Фай, Франсуа Фурке, Жерар Фроманже, Жервез Гарно, Саша Гольдман, Брюно Гваттари, Эмманюэль Гваттари, Жан Гваттари, Николь Гийе, Татьяна Кекоевич, Жан-Жак Лебель, Сильвер Лотренже, Пьер Манар, Люсьен Мартен, Рамондо Матта, Жинетт Мишо, Джан Марко Монтесано, Ян Мулье-Бутан, Лион Мюрар, Тони Негри, Жан Ури, Пьер Паше, Франсуа Пэн, Жо Панаже, Жан-Клод Полак, Анн Керьян, Жак Робен, Мишель Ростен, Доминик Сеглар, Жерар Сулье, Изабель Стенгерс, Масааки Сугимура, Поль Вирилио, Клод Вивьен.

Я также хочу от всего сердца поблагодарить моего друга Жан-Кристофа Годдара за приглашение на двухдневную конференцию по «Анти-Эдипу» 2 и 3 декабря 2005 года в университете Пуатье.

Я также благодарю Анн Сованьярг и Гийома Сибертена-Блана за организацию семинара «Чтение „Тысячи плато“ Делёза и Гваттари» (2005–2006) в рамках рабочей группы «Делёз, Спиноза и социальные науки» на базе Центра исследования риторики, философии и истории идей (CERPHI).

Я также благодарю Эмманюэль Гваттари за поддержку замысла этой книги и Жозе Руиса Фюнеса, помогавшего мне с доступом к архиву Гваттари в IMES (Институт современных издательских архивов).

Я также благодарю Фанни Делёз, Эмманюэль и Брюно Гваттари за разрешение опубликовать фотографии из личного архива.

Наконец, я хочу очень тепло поблагодарить тех, на кого я возложил тяжелую задачу быть моими первыми критическими читателями и кто помог мне существенно улучшить мою первоначальную рукопись.

Это были Манола Антониоли, Раймон Беллур, Франсуа Фурке, Юг Жаллон, Тьери Пако, Гийом Сибертен-Блан и Даниэль Сивадон. И конечно же, я должен поблагодарить ту, кому пришлось на время пожертвовать своими собственными исследованиями, потому что я не мог обойтись без ее качеств стилиста – Флоранс Досс.

Пролог

«Мы двое», или Между двоими

В четыре руки. Творчество Жюль Делёза и Феликса Гваттари до сих пор остается загадкой. Кто писал? Делёз или Гваттари? Делёз и Гваттари? Что именно? Каким образом с 1969 по 1991 год могла разворачиваться эта интеллектуальная конструкция, при таких различных типах чувствительности и столь разительно контрастирующих стилях? Как можно было быть настолько близкими и в то же время всегда поддерживать дистанцию, отразившуюся в том, что они обращались друг к другу на «вы»? Как описать это приключение, уникальное по своему драйву и способности породить своего рода «третьего» как плод союза двух авторов? В их общих текстах трудно понять, что кому принадлежит. По всей видимости, говорить о гипотетическом «третьем» значило бы слишком поспешить, поскольку на всем протяжении своего совместного приключения и тот и другой смогли сохранить свою идентичность и следовать своему уникальному пути.

В 1968 году Жиль Делёз и Феликс Гваттари вращались в совершенно разных кругах. Ничто не предвещало их встречи. С одной стороны, признанный философ, уже опубликовавший значительную часть своих работ, с другой – политический активист, работающий в сфере психоанализа и социальных наук, руководитель психиатрической лечебницы и автор всего нескольких статей. Если, не впадая в исторический телеологизм, согласиться с идеей журналиста Робера Маджори о том, что это была «судьбоносная» встреча¹, то каким образом смогли вступить в контакт эти два универсума? Мы увидим, что события мая 1968 года стали моментом такой интенсивности, что сделали возможными самые невероятные встречи. Но начнем с более прозаических вещей. У истоков этой встречи стоял посредник, скрытный, переменчивый и очень важный персонаж: доктор Жан-Пьер Мюяр, работавший в клинике Ла Борд. Об этом свидетельствует подпись, сделанная Феликсом Гваттари на их первой с Делёзом совместной книге, «Анти-Эдипе»: «Жан-Пьеру, истинному виновнику, катализатору, инициатору этого губительного предприятия».

Жан-Пьер Мюяр изучал медицину в Лионе в конце 1950-х годов. Активист левого крыла Национального союза французских студентов (UNEF), активно выступавшего против войны в Алжире, в 1960 году он становится председателем лионского отделения этой организации. Он знакомится с Жан-Клодом Полаком, тогдашним президентом Генеральной ассоциации студентов-медиков Парижа. Параллельно с изучением психиатрии, на которой он специализируется, Мюяр изучает в Лионе социологию на гуманитарном факультете. Помимо прочего, он увлеченно слушает лекции философа Анри Мальдине. В 1965 году Мюяр становится вице-президентом Национальной страховой организации французских студентов (MNEF) и активно участвует в создании Бюро психологической помощи в университетах (BAPU). Он впервые встречает Гваттари на семинаре «Левой оппозиции», проходившем в 1964 году в Пуасси, на который его пригласил Полак:

Мне вспоминается, если так можно выразиться, физиологическое впечатление, которое произвел на меня Гваттари, от него исходило что-то вроде вибраций, напоминавших процесс подключения. Именно там у нас с ним возник контакт, и меня больше притягивало это движение энергии, чем личность и человек. У него был исключительный ум, того же типа, что у

¹ Робер Маджори, интервью с автором.

Лакана, поистине люциферовская энергия. Если считать Люцифера ангелом света².

В 1966 году Николь Гийе просит Мюяра перебраться в Ла Борд: больницы не хватает врачей, и она не справляется с наплывом пациентов. На какое-то время он туда переедет и останется до 1972 года. Его участие в политике и профессиональная деятельность в Ла Борд делают Мюяра полноправным членом «шайки Феликса».

Обучаясь в Лионе, Мюяр слышал, с каким энтузиазмом его сокурсники с гуманитарного факультета отзывались о лекциях Делёза. У него сохранились контакты в Лионе, он ездит туда время от времени. В 1967 году его восхитило «Представление Захер-Мазоха», опубликованное Делёзом³. Они подружились, и у Делёза, желавшего поближе познакомиться с миром психотиков, произошел с Мюяром следующий разговор: «Он сказал мне: я говорю о психозе, о безумии, но совершенно не знаю их изнутри. В то же время он страшно боялся сумасшедших. Он и часа не мог пробыть в Ла Борд»⁴.

В 1969 году Мюяру надоедает бурная деятельность Гваттари в Ла Борд, где тот без конца распускает сложившиеся группы, чтобы создавать новые: «Это как тот препарат, который сегодня дают гиперактивным детям, Риталин. Нужно было его каким-то образом успокоить. Он говорил, что хочет писать, и ничего не писал»⁵. У Мюяра родился хитроумный план: он решил свести Гваттари с Делёзом. В июне он посадил в машину Гваттари и Франсуа Фурке и отвез их в Лимузен, в Сен-Леонар-де-Нобла. Взаимная очарованность Гваттари и Делёза возникла мгновенно. У Гваттари полно историй на темы, интересовавшие Делёза: безумие, Ла Борд и Лакан – он подготовил доклад «Машина и структура», предназначенный первоначально для «Парижской школы фрейдизма»⁶. В своей аргументации он использует концепты, предложенные Делёзом в «Различии и повторении» и «Логике смысла».

Это важный текст. До сих пор Гваттари находился в положении ученика Лакана и начал выступать в качестве собеседника, претендующего на место излюбленного партнера мэтра. Неоднозначное отношение к нему Лакана и выбор в пользу клана альтюссерианцев-маоистов с улицы Ульм, Миллера и Мильнера, по сути дела, оттеснили Гваттари на задний план:

Когда я в 1969 году познакомился с Делёзом, я буквально набросился на представившуюся возможность. Я продвинулся в споре с лаканизмом по двум пунктам: эдипов треугольник и редуccionистский характер тезиса Лакана об означаемом. Все остальное начало рушиться как зуб, пораженный кариесом, как прогнившая стена⁷.

Со своей стороны, Делёз переживает поворотный момент в творчестве. Посвятив несколько книг истории философии, Юму, Канту, Спинозе, Ницше, он публикует в 1969 году две более личные книги – свою диссертацию «Различие и повторение»⁸ и «Логика смысла»⁹. Но в тот момент философия подвергается резкой критике со стороны структурализма и его передового крыла, лаканизма. Повсеместный «психоанализм», повальное увлечение Лаканом воспринимаются как вызов, брошенный философу. Встреча с Гваттари даст Делёзу прекрасную возможность на него ответить.

² Жан-Пьер Мюяр, интервью с автором.

³ Жиль Делёз, «Представление Захер-Мазоха», Л. фон Захер-Мазох, *Венера в мехах*, Москва: Культура, 1992.

⁴ Жан-Пьер Мюяр, интервью с автором.

⁵ Там же.

⁶ Félix Guattari, «Machine et structure», *Change*, № 12, Paris: Seuil, 1972; переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, Paris: Maspéro, 1972; rééd. Paris: La Découverte, 2003, p. 240–248; см. главу 12 настоящего издания.

⁷ Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, 27 октября 1984 года, ИМЕС.

⁸ Жиль Делёз, *Различие и повторение*, СПб.: Петрополис, 1998.

⁹ Жиль Делёз, *Логика смысла*, Москва: Академический проект, 2011.

В момент своего знакомства с Гваттари Делёз проходит реконвалесценцию. За год до этого после обострения туберкулеза он перенес тяжелую операцию по удалению легкого, из-за которой будет до конца жизни страдать хронической дыхательной недостаточностью. Изнуренный операцией, он вынужден целый год отдыхать в тиши в Лимузене. Но это изнурение также оказывается преддверием чего-то нового, как Делёз показывает на примере Беккета¹⁰. Это состояние располагает к встрече. Тем более что Делёз очутился на краю еще одной пропасти, о которой говорит в «Алфавите»: алкоголизма. Встреча с Гваттари сыграла ключевую роль в том, чтобы выбраться из этого тупика.

Чтобы продолжить и расширить этот диалог с Делёзом от психиатрии, Мюяр предлагает Делёзу и Гваттари встретиться в замке Дюизон, который Гваттари снимает поблизости от Ла Борд. Именно там трио, состоящее из Делёза, Мюяра и Гваттари, постоянно обсуждает содержание будущей книги, которой предстоит стать «Анти-Эдипом». Письмо Франсуа Фурке его другу Жерару Лаборду от 19 августа 1969 года так описывает атмосферу, царящую в Дюизоне:

Контекст здесь презабавный. Присутствие Делёза в Дюизоне вызвало целую серию явлений, и, полагаю, эта серия будет продолжаться долго. Здесь полно народу: помимо Феликса и Арлетт, присутствуют Ростен, Лиан, Эрве, Мюяр, Элда и т. д., и все они водят хоромы вокруг первичной сцены, повторяющейся каждое утро: Феликс и Делёз творят, очень интенсивно, Делёз делает заметки, поправляет, критикует, соотносит придумки Феликса с историей философии. Короче говоря, это работает, хотя и не без неприятного осадка в семействе (куда входим и мы с Женевьевой), тем более что один из младших братьев допущен до битвы титанов: Мюяр, исторически стоявший у истоков знакомства Делёза с Феликсом¹¹.

Мюяр еще некоторое время играет роль посредника, а затем полностью самоустраняется:

Я сделал свое дело, и теперь Мефистофель может уходить. Я интуитивно почувствовал, что нахожусь не на своем месте, хотя Делёз хотел со мной работать и хотел, чтобы я присутствовал на сессиях, но я ощущал, что стесняю Феликса. Алхимическая реакция произошла и продолжалась еще долго¹².

Перед своей первой встречей Делёз и Гваттари обменялись весной 1969 года несколькими письмами, которые свидетельствуют о зарождающейся дружбе.

Дорогой друг, я все-таки должен найти способ выразить, до какой степени был тронут вниманием, оказанным вами статьям, которые я вам послал. Медленное, пристальное чтение «Логика смысла» навело меня на мысль, что между нами есть глубокая гомология «точек зрения». Встреча с вами, когда у вас появится возможность встретиться, образует для меня уже сейчас ретроактивно присутствующее событие, исходящее из нескольких истоков¹³. Так пишет Гваттари 5 апреля 1969 года, рассказывая Делёзу о своих трудностях с письмом и нехватке времени на него из-за деятельности в Ла Борд. Зато «Логика смысла» заставляет его поверить, что он общается с Делёзом как будто при помощи ультразвука. В предыдущем письме, которое он послал одной из своих бывших студенток, Айяле, Делёз сообщил, что хочет

¹⁰ Gilles Deleuze, Postface à Samuel Beckett, *Quad*, Paris: Minuit, 1999.

¹¹ Франсуа Фурке, письмо Жерару Лаборду, 19 августа 1969 года, передано Франсуа Фурке.

¹² Жан-Пьер Мюяр, интервью с автором.

¹³ Феликс Гваттари, письмо Жиллю Делёзу, 5 апреля 1969 года, ИМЕС.

собрать все тексты, которые ему передал Гваттари. Феликс скептичен: «Но разве это не просто наброски, эскизы?»¹⁴.

Некоторое время спустя, в мае 1969 года, Делёз написал Гваттари:

У меня тоже было такое чувство, что мы стали друзьями еще до того, как познакомились. Поэтому прошу прощения за мою настойчивость касательно следующего пункта. Очевидно, что вы придумываете и используете целый ряд новых, очень сложных концептов, родившихся из вашей практики в Ла Борд: например, фантазия группы или же ваш концепт трансверсальности, который, как мне кажется, способен преодолеть старый, но неумирающий дуализм «индивидуального бессознательного и коллективного бессознательного»¹⁵.

Делёз считает, что эти концепты нуждаются в теоретической проработке, и не соглашается с Гваттари, когда тот пытается утверждать, что его нынешняя бурная жизнь – не самый подходящий момент для письма. В таком случае это означало бы, что «писать можно только тогда, когда всё хорошо, тогда как в письме следует видеть скромный, но активный и действенный фактор, помогающий на время отстраниться от гуши событий и почувствовать себя лучше»¹⁶. Делёз пытается убедить Гваттари, что час этой теоретической проработки настал. В конце концов, «другое решение – публиковать статьи как есть – становится желательным и наилучшим»¹⁷. Результатом станет сборник «Психоанализ и трансверсальность», вышедший в 1972 году с предисловием Делёза¹⁸.

1 июня 1969 года Гваттари признаётся Делёзу в своих слабостях и причинах своего «экстремистского сумбура»¹⁹. «Расстройство письма» связано с недостаточной работой, недостаточной теоретической начитанностью и страхом снова погрузиться в то, что было давным-давно заброшено. К этому нужно добавить сложную личную историю, грядущий развод, троих детей, клинику, всевозможные дразги, политические группы, FGERRI...²⁰ Что же касается собственно теоретической разработки, то для него «концепты – это инструменты, приемчики»²¹.

Сразу после их первой встречи в июне 1969 года Делёз пишет Гваттари, чтобы уточнить, как он видит их совместную работу:

Очевидно, что нужно отказаться от любого политеза, но не от формы дружбы, которая позволяет сказать друг другу: вы что-то придумали, я не понимаю, это не пойдет. и т. д. Необходимо, чтобы Мюяр обязательно принимал участие в этой переписке. Наконец, нужно, чтобы в ней не было принудительной регулярности²².

Из их первых бесед Делёз вынесет мысль о том, что

...формы психоза не проходят через эдипов треугольник, во всяком случае не всегда и не так, как об этом говорят. Вот что самое главное, как мне кажется. Трудно выйти из «фамилиализма» психоанализа папы-мамы (мой текст, который вы читали, так и не смог от него избавиться). Нужно,

¹⁴ Там же.

¹⁵ Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 13 мая 1969 года, ИМЕС.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité*.

¹⁹ Феликс Гваттари, письмо Жилу Делёзу, 1 июня 1969 года, ИМЕС.

²⁰ FGERRI – Федерация групп по институциональным исследованиям, созданная в 1965 году Гваттари.

²¹ Феликс Гваттари, письмо Жилу Делёзу, 1 июня 1969 года, ИМЕС.

²² Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 16 июля 1969 года, ИМЕС.

таким образом, показать, как, например, в психозе социально-экономические механизмы способны вывести *непосредственно* на бессознательное. Это не означает, очевидно, что они выводят на него *как таковые* (как прибавочная стоимость, процентные ставки...), это означает нечто гораздо более сложное, вроде того, о чем вы однажды говорили – что сумасшедшие создают не только космогонию, но и экономику-политику, или когда вы с Мюяром рассматривали связь между капиталистическим и шизофреническим кризисом²³.

Делёз добавляет: то, что социальные структуры выводят «непосредственно» на психическое бессознательное, можно понять при помощи двух концептов Гваттари, «*машины и анти-производства*», которые он пока еще плохо знает. Делёз также поддерживает Гваттари в его критике фамилиализма:

Направление, которое вы открываете, представляется мне очень богатым по следующей причине: обычно создается моральный образ бессознательного, либо чтобы сказать, что бессознательное аморально, преступно и т. д., даже если при этом добавляется, что это очень хорошо, либо чтобы сказать, что есть бессознательная мораль (сверх-я, закон, трансгрессия). Я однажды сказал Мюяру, что так дело не пойдет и что бессознательное *не* религиозно, не имеет ни «закона», ни «трансгрессии» и что это всё глупости. Мюяр ответил мне, что я преувеличиваю и что закон и трансгрессия, как они выводятся из Лакана, не имеют ничего общего со всем этим. Он, конечно, был прав, но это неважно, в любом случае мне представляется ложной вся теория сверх-я и вся теория виновности²⁴.

Это письмо, написанное как раз перед длинными рабочими сессиями в августе 1969 года в Дюизоне, показывает, что главная мишень «Анти-Эдипа», вышедшего три года спустя, была ясна уже тогда: «эдипов треугольник» и фамилиалистский редуционизм психоаналитического дискурса. Гваттари очень быстро отвечает Делёзу 19 июля, объясняя свой концепт машины, которая «метонимически выражает машину промышленного общества»²⁵. Кроме того, 25 июля Гваттари посылает Делёзу несколько заметок, в которых уже утверждается эквивалентность капитализма и шизофрении: «Капитализм – это шизофрения, потому что общество-структура не могло принять производство „шизофреника“»²⁶.

В центре теоретических ставок сразу же оказываются их отношения друг с другом. Они возникают из мгновенного дружеского и интеллектуального взаимопонимания. Однако эта дружба никогда не будет слиянием, и они всегда будут обращаться друг к другу на «вы», хотя оба легко переходили с другими людьми на «ты». Они – выходцы из двух разных миров и уважают друг друга и ту сеть отношений, которая сложилась у каждого. Самое условие успеха их совместного интеллектуального предприятия состоит в том, чтобы мобилизовать все, составляющее различие в их характерах, использовать то, что дает контраст, а не в фактическом слиянии. У них очень высокие представления о дружбе: «Они сохранили дистанцию, которую Янкелевич называл „любовной дистанцией“, то есть дистанцией, которая не фиксируется. В отличие от гносеологической дистанции, любовная дистанция возникает из сближения/удаления»²⁷. Конечно, Гваттари, боявшийся оставаться с Делёзом один на один и привыкший всегда работать «в группе», хотел привлечь к проекту своих друзей из CERFI (Центр институцио-

²³ Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 16 июля 1969 года, ИМЕС.

²⁴ Там же.

²⁵ Феликс Гваттари, письмо Жилу Делёзу, 19 июля 1969 года, передано Франсуа Фурке.

²⁶ Феликс Гваттари, несколько заметок о президенте Шребере, посланные Жилу Делёзу 25 июля 1969 года, ИМЕС.

²⁷ Робер Маджори, интервью с автором.

нальных исследований и образования)²⁸. Случай сделать это представился с приездом Делёза в Дюизон: ближайшие коллеги по CERFI уже были там, и им не терпелось поучаствовать в работе Делёза и Гваттари. Но свидетельство Франсуа Фурке не оставит сомнений: о сотрудничестве не могло быть и речи. Делёз страшно боялся неаргументированных обсуждений в группе и мог себе представить только работу вдвоем, максимум втроем.

Тогда подруга Гваттари Арлетт Донати рассказывает ему о сомнениях Делёза. Работа над их первой совместной книгой будет вестись преимущественно по переписке²⁹. Этот метод письма в корне меняет повседневную жизнь Гваттари, которому теперь приходится погружаться в работу в одиночестве, к чему он совершенно не привык. Делёз ждет, что Гваттари будет садиться за работу спозаранку, записывать на бумаге свои идеи (их же у него по три штуки в минуту) и каждый день отсылать написанное как есть, не перечитывая. Делёз, таким образом, принуждает Гваттари к той аскезе, без которой, как он считает, невозможно решить проблемы с письмом. Гваттари целиком включается в эту игру и уединяется у себя в кабинете, чтобы работать как каторжный. Каждый день Гваттари, привыкший командовать своими «шайками», оказывается запертым в одиночестве в кабинете до четырех часов дня. В Ла Борд он приезжает только к концу рабочего дня, на короткое время, и обычно уже к шести часам вечера возвращается обратно в Дюизон. Жан Ури воспринимает это изменение как «предательство»: Гваттари, участвовавший во всех делах Ла Борд, теперь отключается, чтобы посвятить себя работе с Делёзом. Его подруге Арлетт Донати даже приходится приносить ему в полдень обед: он не допускает никаких перерывов.

Метод работы над «Анти-Эдипом», таким образом, сводился к тому, что Гваттари присылал подготовительные тексты, которые Делёз дорабатывал и шлифовал, чтобы получить окончательный вариант: «Делёз говорил, что Феликс находил алмазы, а он был их огранщиком. То есть Гваттари должен был посылать ему тексты в сыром виде, а тот приводил их в порядок, так это происходило»³⁰. Итак, их совместная работа в большей степени шла через обмен текстами, а не через диалог, хотя они устраивают каждую неделю рабочее совещание у Делёза дома, по вторникам во второй половине дня, в день, утром которого Делёз читает свой курс в Венсене. В хорошую погоду Делёз сам приезжал к Гваттари, но при этом всячески чурался сумасшедших, которых не выносил:

Однажды мы ужинали в Дюизоне, Феликс, Арлетт Донати, Жиль и я, и тут позвонили из Ла Борд, сообщив, что один пациент поджег часовню в замке и сбежал в лес. Жиль побледнел, я замер, а Феликс объявил, что нужна помощь в поисках этого типа. Жиль мне сказал тогда: «Как ты переносишь шизиков?» Он не выносил вида сумасшедших³¹.

Как Гваттари, так и Делёз не раз объясняли принципы своей совместной работы, хотя никогда не были до конца откровенны. Рассказывая в момент выхода в свет «Анти-Эдипа» об их письме вдвоем, Гваттари подчеркивает:

Это сотрудничество – не результат просто встречи двух индивидов. Помимо определенного стечения обстоятельств, нас подвел к нему весь политический контекст. Первоначально речь шла о том, чтобы поделиться друг с другом не столько знаниями, сколько накопленными сомнениями и даже

²⁸ CERFI – исследовательская группа по социальным наукам, созданная Феликсом Гваттари во второй половине 1960-х годов.

²⁹ Это подтверждает работа по систематизации текстов, которые Гваттари посылал Делёзу в ходе подготовки «Анти-Эдипа», проделанная в: Stéphane Nadaud, *Écrits pour l'Anti-Edipe*, Paris: Lignes-Manifeste, 2004.

³⁰ Арлетт Донати, интервью с Ив Клоарек, 25 октября 1984 года, IMEC.

³¹ Аллен Аптекман, интервью с автором.

некоторой растерянностью перед тем, какой оборот приняли события после мая 1968 года³².

Делёз, со своей стороны, замечает:

Что касается техники этой книги, то писать вдвоем было несложно, дело было в определенной функции, которую мы стали замечать по ходу дела. В книгах по психиатрии или даже по психоанализу шокирует разделение между тем, что говорит предположительный больной, и тем, что говорит лечащий его врач. Станным образом, если мы попытались преодолеть это традиционное разделение, то именно потому, что писали вдвоем. Никто из нас не был ни сумасшедшим, ни психиатром, нужно было быть и тем и другим, чтобы начался процесс. Процесс – это то, что мы называем потоком³³.

Позднее в 1991 году в связи с выходом книги «Что такое философия?» Робер Маджори возьмет у них длинное интервью, и им снова представится случай объясниться по поводу их встречи и сотрудничества: «Мое знакомство с Феликсом произошло в связи с вопросом о психоанализе и бессознательном. Феликс некоторым образом указал мне на новую область, открыл новую сферу, хотя я и писал о психоанализе до этого и поэтому он мною заинтересовался»³⁴.

Из рассказов о встрече «исчез» посредник Жан-Пьер Мюяр. Делёз утверждает: «Феликс пришел ко мне», а Гваттари соглашается: «Я сам к нему пришел, но во второй раз это он предложил мне вместе работать»³⁵. Если они не слишком распространяются о том, как шла работа над рукописью – «секрет», говорит Делёз, – они более откровенны, когда речь заходит о совместной работе. Делёз упоминает Клейста, чтобы объяснить, что у него происходит с Гваттари. Когда идеи рождаются в разговоре, их появление сопровождается заиканием, эллипсами, нечленораздельными звуками – «дело не в том, что мы что-то знаем, дело в определенном состоянии нас самих...» – и Делёз подтверждает, что «вдвоем легче» привести себя в это состояние³⁶. У них были устные сессии, на которых, в качестве сухого остатка диалога, принимались решения о том, за какие темы браться. После этого каждый садился писать свои варианты, которые они посылали друг другу: «Один становится чем-то вроде вкрапления или цитаты в тексте другого, но через какое-то время уже не разобрать, кто кого цитирует. Это письмо с вариациями»³⁷. Очевидно, такая совместная работа предполагает общность жизни, мысли, реакций на мир: «Условием такой совместной работы является существование имплицитного, необъяснимого общего фона, который заставляет нас смеяться и тревожиться по тем же поводам, расстраиваться и воодушевляться одними и теми же вещами»³⁸.

Гваттари тоже говорит об устных сессиях и обмене вариантами текста. В любом случае это диалог между двумя людьми с очень разным характером:

Мы очень разные: так что ритмы освоения темы или концепта у нас тоже очень разные. Но, конечно, есть и взаимодополняемость. Я больше склонен к рискованным операциям, я – «концептуальный спецназовец» по внедрению

³² Félix Guattari, «Deleuze et Guattari s'expliquent», table ronde avec François Châtelet, Pierre Clastres, Roger Dadoun, Serge Leclaire, Maurice Nadeau, Raphaël Pividal, Pierre Rose, Horace Torrubia, *La Quinzaine littéraire*, № 143, 16–30 juin 1972; переиздано в: Gilles Deleuze, *L'Île déserte et autres textes. Textes et entretiens 1953–1974*, éd. David Lapoujade, Paris: Minuit, 2002, p. 301.

³³ Ibid., p. 304–305.

³⁴ Слова Делёза, процитированные Робером Маджори, *Libération*, 12 septembre 1991; переиздано в: Robert Maggiori, *La Philosophie au jour le jour*, Paris: Flammarion, 1994, p. 374.

³⁵ Ibid., p. 374–375.

³⁶ Gilles Deleuze, *ibid.*, p. 375.

³⁷ Gilles Deleuze, см.: Robert Maggiori, *La Philosophie au jour le jour*, p. 375–376.

³⁸ Ibid., p. 376.

на чужую территорию, если так можно выразиться. А у Жилия тяжелое философское вооружение, интендантская служба в виде библиографии..?³⁹

Делёз, всегда страшившийся дискуссий, которые казались ему бесплодным обменом мнениями, противопоставляет им практику разговоров, которые, наоборот, пробуждают внутреннюю полемичность высказывания. Их диалог возникает из самой настоящей аскезы: «Когда один говорит, другой замолкает. Это не только закон, необходимый для того, чтобы понять, услышать друг друга, но это означает, что один постоянно предоставляет себя в распоряжение другому»⁴⁰. Даже если идея, предложенная одним, кажется другому нелепой, он все равно обязывается искать для нее основание, а не оспаривать ее: «Даже если бы я сказал ему, что в центре земли смородиновое варенье, его роль состояла бы в том, чтобы найти основание для этой идеи (если идея была в этом!)»⁴¹. Из этого общения рождается настоящая «рабочая машина», в которой невозможно понять, что от кого исходит.

Самое главное, объясняет Делёз, трансформация *est* (быть) в *et* (и), не в смысле частного и чисто конъюнктивного отношения, а в смысле привлечения целой серии отношений. «И» относится к возможности творчества, к творческому заиканию, ко множественности: «„И“ – это ни одно ни другое, оно всегда между ними, это граница; всегда есть линия ускользания»⁴² или потока, только ее не видят, потому что она едва доступна восприятию. Именно на этой линии ускользания происходят события, совершается становление, зреют революции»⁴³. Это определяет уникальный характер их книг.

Выяснять отцовство того или иного концепта – значит, говоря словами Стефана Надо, «пренебрегать самым главным концептом в их работе: сборкой»⁴⁴. Весь их метод письма состоит в создании коллективной сборки высказывания, которая и является настоящим отцом придумываемых концептов. Родится ли из этого третий человек, становящийся результатом слияния двоих, Феликс-Жиль или «Гваттарёз», как обозвал его карикатурист Лозье? Следующие слова Делёза могут навести на эту мысль: «Но мы не сотрудничали как два человека. Мы были, скорее, как два ручья, которые сливаются в „единое“ третье, которое и было нами»⁴⁵. Тем не менее ничего подобного не было, и мы уже видели, до какой степени они соблюдали дистанцию, сохраняли различие, свою сингулярность, обращаясь друг к другу на «вы»:

Между нами существует самая настоящая политика диссенсуса, не культ, а культура гетерогенности, которая заставляет каждого из нас признавать и принимать сингулярность другого. Если мы что-то делаем вместе, то потому, что это работает, и потому, что нами владеет нечто нас превосходящее. Жиль – мой друг, а не приятель⁴⁶.

Идея сборки имеет фундаментальное значение для понимания уникальности этого метода. Делёз объясняет его своему японскому переводчику Куниичи Уно: «Высказывание не отсылает к субъекту. Нет никакого субъекта высказывания, есть только сборка. Это означает, что в одном и том же высказывании есть „процессы субъективации“, которые принимают разных субъектов, одних как образы, других как знаки»⁴⁷. Впрочем, именно со своим японским

³⁹ Félix Guattari, *ibid.*, p. 376.

⁴⁰ Gilles Deleuze, *ibid.*, p. 376.

⁴¹ *Ibid.*, p. 377.

⁴² *Ligne défuite* — термин из теории перспективы, «линия схода». В русских переводах Делёза и Гваттари установился другой, более буквальный эквивалент: «линия ускользания». — *Прим. ред.*

⁴³ Жиль Делёз, *Переговоры*, СПб.: Наука, 2004, с. 65. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

⁴⁴ Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, p. 12.

⁴⁵ Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 178.

⁴⁶ Феликс Гваттари, цит. по: Robert Maggiori, *La Philosophie au jour le jour*, p. 378.

⁴⁷ Жиль Делёз, письмо Куниичи Уно, 25 октября 1982 года; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, Paris: Minuit,

переводчиком Уно, бывшим студентом, ставшим другом, Делёз наиболее откровенен, говоря о процедуре совместной работы. Он представляет Гваттари как «звезду» группы и предлагает для описания их отношений красивую метафору встречи моря с холмом, который оно омывает своими волнами:

Его [Феликса] следовало бы сравнить с морем, пребывающим в постоянном волнении, с постоянными бликами света. Он может перескакивать от одного занятия к другому, мало спит, путешествует, никогда не останавливается. Он не *перестает*. У него небывалые скорости. Я же больше похож на холм: мало двигаюсь, неспособен заниматься двумя делами сразу, у меня скорее бывают идеи-фикс, и редкие движения, которые у меня случаются, – это внутренние движения. Вдвоем из нас с Феликсом получается хороший борец сумо⁴⁸.

Делёз добавляет: «Только если поближе посмотреть на Феликса, можно заметить, что он очень одинок. Между двумя занятиями или среди множества людей он может погрузиться в глубокое одиночество»⁴⁹. Делёз поясняет своему японскому другу, что в Гваттари он видит выдумщика, наделенного изобретательностью и подвижностью, какую ему редко доводилось встречать: «Его идеи – рисунки или даже диаграммы. А меня интересуют концепты»⁵⁰.

Своим концептом машины и предложением заменить ею понятие структуры Гваттари дает Делёзу возможность выйти за пределы структуралистской мысли, которую тот искал уже в «Логике смысла». В том, что касается критики Лакана и его тезиса о том, что «бессознательное структурировано как язык», а также по части политического сознания Гваттари сильно обгоняет своего друга на момент их знакомства в 1969 году. Хотя у Делёза и остались некоторые наработки в области истории философии, в 1972 году он признаёт, что отстает от своего друга в некоторых важных сферах:

Но я работал только с концептами, и притом довольно робко. Феликс рассказывал мне о том, что он называл машинами желания: это была целостная теоретическая и практическая концепция машины бессознательного, бессознательного шизофреника. Тогда у меня было впечатление, что именно он опережал меня⁵¹.

Итак, это было счастье совместной работы, общего вклада, юмора, искреннего веселья. Более того, по словам их общего друга Жерара Фроманже,

...они гордились друг другом, каждый считал, что другой оказывает ему честь, выслушивая его. У них было необычайное доверие друг к другу, как у непохожих близнецов, которые дополняют друг друга. Между ними не было никакой зависти, они ничего друг от друга не утаивали во время рабочих сессий. Именно это обусловило качество их работы, эта тотальная открытость, дар доверия⁵².

Итак, вдвоем они создают настоящую лабораторию по испытанию эффективности концептов благодаря трансверсальному характеру их метода. Главное, что Гваттари дал Делёзу, – это глоток свежего воздуха в затхлой атмосфере: «Чувствовалось, что знакомство с Феликсом принесло ему радость. Когда они виделись, было впечатление, что они рады друг другу.

2003, p. 185.

⁴⁸ Жиль Делёз, письмо Куниичи Уно, см.: Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 218.

⁴⁹ Ibid., p. 218.

⁵⁰ Ibid., p. 219.

⁵¹ Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 26.

⁵² Жерар Фроманже, интервью с Виржини Линар.

К тому же они виделись не слишком часто, зная, что отношения между людьми могут быстро портиться»⁵³.

Различие в характерах Делёза и Гваттари рождало то, что можно было бы назвать двух-тактовым двигателем: «У нас всегда был разный ритм. Феликс упрекал меня, что я не реагирую на письма, которые он мне посылал: а я просто не мог ответить сразу. Я мог воспользоваться ими только позднее, через месяц-другой, когда Феликс уже ускакал в другую сторону»⁵⁴. Зато в схватках, происходивших на рабочих сессиях, они загоняли друг друга в окопы до полного изнеможения обоих, пока обсуждаемый спорный концепт не отрывался от земли, освободившись от сковывающей его оболочки, благодаря работе по умножению и рассеянию: «По-моему, у Феликса были настоящие молнии прозрения, а я выступал своего рода громоотводом, я его заземлял, чтобы это могло родиться в другой форме, но Феликс начинал сначала, так мы и продвигались»⁵⁵.

В августе 1971 года проходит последняя длинная сессия совместной работы над «Анти-Эдипом» в Тулонском заливе, в Брюссюр-Мер. Оба семейства вместе с детьми снимают там дом, чтобы мужчины могли работать, пока остальные купаются и загорают на пляже. Дата завершения текста носит символический характер: «Какое тонкое совпадение, наша книга закончена 31 декабря, как бы отмечая, что концы – это начала. Получилась славная работа, в которую вы внесли вашу творческую силу, а я – свои усилия по изобретению и подгонке [концептов]»⁵⁶.

Однако в момент публикации книги в марте 1972 года Гваттари переживает сложное время. Чрезмерная активность и титанические усилия, понадобившиеся для этой работы, грозят разладом, чувством пустоты. Результат никогда не стоит тысячи и одной открывающейся возможности работы воображения и непрерывного веселья творческого процесса: «Желание свернуться калачиком, стать маленьким-маленьким, покончить с этой политикой публичности и престижа. Настолько, что я даже злюсь на Жюля за то, что он затащил меня на эту каторгу»⁵⁷. В «Дневнике» сравнение с эффективностью Делёза обычно его удручает: Делёз «работает много. Нас даже и сравнивать нельзя! Я скорее закоренелый самоучка, бриколер, герой в стиле Жюль Верна...»⁵⁸ Когда же сборка подходит к концу, как это происходит с завершением книги и ее публикацией, Гваттари не скрывает своих личных страхов: «Сохранить свое перо, свою собственную манеру. Но я на самом деле не узнавал себя в АЭ [„Анти-Эдипе“]. Необходимо перестать бегать за образом Жюля и за завершенностью, за совершенством, которое он в самом конце работы внес в книгу»⁵⁹. Его внезапно охватывает страх поглощения, утраты идентичности: «У него всегда на уме *произведение*. Для него [Жюля] то[, что я делаю,] всегда будет просто заметками, каким-то сырьем, которое исчезает в конечной сборке. Поэтому я в какой-то мере чувствую себя немного перекодированным „Анти-Эдипом“»⁶⁰.

Делёз, со своей стороны, благодаря сотрудничеству с Гваттари осуществляет желание, о котором говорил еще в «Различии и повторении», – написать книгу нового типа, экспериментальную книгу:

Приходит время, когда писать философские книги так, как это делалось издавна, будет невозможно: «О, старый стиль...» Поиск новых средств

⁵³ Жан-Пьер Фай, интервью с Виржини Линар.

⁵⁴ Жиль Делёз, письмо Куниичи Уно, см.: *Deux régimes defous*, p. 219–220.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, без даты, архивы IMEC.

⁵⁷ Félix Guattari, Journal, 13 novembre 1971, *La Nouvelle Revue française*, № 564, janvier 2003, p. 357.

⁵⁸ Félix Guattari, Journal, 6 octobre 1972; цит. по: Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, p. 490.

⁵⁹ Félix Guattari, Journal, 13 octobre 1972, *ibid.*, p. 496.

⁶⁰ Félix Guattari, Journal, 6 octobre 1972, *ibid.*, p. 490–491.

философского выражения был начат Ницше и должен быть сегодня продолжен в связи с обновлением некоторых других искусств⁶¹.

Как отмечает Арно Буаниш⁶², когда Делёз на конференции в Серизи, посвященной Ницше, как раз в момент публикации «Анти-Эдипа» делает доклад о «Номадической мысли», он заявляет о своем намерении создать новую стилистику. Говоря о Ницше, он определяет то, чем могла бы быть книга нового типа, которая больше не подчинялась бы традиционным кодам: «Все большие инструменты кодирования нам известны. Известно три основных инструмента: закон, договор и институт»⁶³. Так вот, Ницше сопротивляется всем этим попыткам «кодирования» и предпринимает систематическую попытку «декодирования». Именно в этом смысле Делёз с Гваттари понимают свою практику письма: «Смешать коды – это не просто, даже на уровне самого простого письма и языка»⁶⁴. Два автора будут искать способ избежать всякого кодирования, подставив себя силам внешнего, которые разбивают устоявшиеся формы. Этот номадический горизонт будет достигнут во втором томе «Капитализма и шизофрении», опубликованном в 1980 году, в «Тысяче плато».

Гваттари тем временем сумеет вернуться к личным источникам вдохновения. У Кафки он находит универсум, отвечающий его страхам, его неумному желанию творить, творческий беспорядок, напоминающий его собственный: «Возникает конъюнкция двух машин; литературной машины творчества Кафки и моей собственной машины Гваттари»⁶⁵. Письмо Гваттари делает обходной маневр через Кафку, чтобы потом вернуться к Делёзу, создав на полпути книгу о Кафке, которую они написали вдвоем⁶⁶. Именно в этой книге Гваттари и Делёз придумывают понятие «коллективной сборки высказывания», которое будут развивать впоследствии: «Мы не верим, что высказываемое может относиться к субъекту, удвоенному или нет, расколотому или нет, рефлексированному или нет»⁶⁷.

Машина снова запускается для создания «Тысячи плато». Сборка становится узловым концептом этой новой работы. Однако механизм письма слегка меняется: «Композиция книги намного сложнее, здесь рассматривается намного больше областей, но мы приобрели такие привычки, что один мог догадаться, куда идет другой»⁶⁸. Похоже, что на основе этой первоначальной активной коммуникации и возникшего из нее сообщничества написание «Тысячи плато», пусть оно и давало повод для переходов от одной версии к другой, в большей степени происходило в ходе совместной разработки на общих устных сессиях.

Публикация «Тысячи плато» в 1980 году знаменует собой конец долгого приключения, которое началось в 1969-м: «После этого каждому из нас, мне и Феликсу, нужно было поработать самостоятельно, чтобы перевести дыхание. Но в одном я был убежден, в том, что мы снова будем когда-нибудь работать вместе», – пишет Делёз в 1984 году⁶⁹. В этот период он погружается в исследование кино, тогда как Гваттари с головой уходит в культурный и политический активизм. Но он снова испытывает чувство нехватки, пустоты, одиночества и тревоги, в чем и признается своему другу, который его успокаивает:

⁶¹ Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 12.

⁶² Arnaud Bouaniche, «Le mode d'écriture de L'Anti-Œdipe: littéralité et transversalité», communication orale dans le cadre des ateliers du master de philosophie Bordeaux, Poitiers, Toulouse, organisés par Jean-Christophe Goddard, Poitiers, 2 et 3 décembre 2005. См.: Arnaud Bouaniche, *Gilles Deleuze, une introduction*, Paris: Pocket-La Découverte, 2007.

⁶³ Gilles Deleuze, «Pensée nomade» (1972), переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, P.353.

⁶⁴ Ibid., p. 354.

⁶⁵ Félix Guattari, *Journal*, 14 octobre 1972, цит. по: Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, p. 497.

⁶⁶ Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Кафка: за малую литературу*, Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2015.

⁶⁷ Там же, с. 106.

⁶⁸ Жиль Делёз, письмо Уно: «Comment nous avons travaillé à deux», 25 juillet 1984; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 220.

⁶⁹ Жиль Делёз, письмо Уно: «Comment nous avons travaillé à deux», см.: *Deux régimes de fous*, p. 220.

Я долго читал ваше письмо, где вы говорите, что теперь, когда наша общая работа стихла, вы больше не понимаете ни того, чем она была для вас, ни где вы сегодня оказались. Я это хорошо понимаю. Я считаю, что вы замечательный изобретатель «диких» концептов. То, что так привлекало меня в английских эмпириках, я нашел в вас... так или иначе, я твердо уверен в том, что мы снова поработаем вдвоем⁷⁰.

И это не просто утешение: когда в начале 1980-х годов Делёз начинает вести свои курсы о кино, он не теряет из вида совместную работу с Гваттари. Тему, которая превратится впоследствии в название их последней общей работы, книги «Что такое философия?», вышедшей в 1991 году, он заявляет очень рано:

Вот моя рабочая программа на этот год. С одной стороны, я буду вести курс о кино и мышлении. Я буду делать его в связке с «Материей и памятью» Бергсона, которая кажется мне поистине неисчерпаемой. Но, с другой стороны, я хотел бы продолжить таблицу категорий, которая совпадает с вашей работой. И здесь для меня основной момент в поиске совершенно ясного и простого ответа на вопрос, что такое философия? Отсюда два отправных вопроса:

1. Вопрос, который, я думаю, вы ставили: почему называть это «категориями»? Что, собственно, представляют собой эти понятия – «содержание», «выражение», «сингулярность» и т. д.? Пирс и Уайтхед составляют таблицы современных категорий: каким образом изменилось это понятие категории?

2. И потом, если отталкиваться от самых простых категорий «содержания» и «выражения», я возвращаюсь к своему вопросу: почему вы, судя по всему, отдали предпочтение выражению с точки зрения сборки? Нужно, чтобы вы мне это подробно объяснили.⁷¹

Механизм работы над «Что такое философия?» несколько отличался от метода написания предшествующих книг. Но, как говорит Робер Маджори об этом произведении, которое считает очень важным, «в нем Гваттари внутри, но в растворенном виде, как аспирин»⁷². И в этом случае Гваттари предлагает идеи, совершенствует, задает новые траектории, отправляясь от рукописи, присланной Делёзом:

Есть тема, о которой я хотел бы сказать: противопоставление смешения и взаимодействия. О мозге, который воздействует сам на себя: посмотреть Франциско Варелу, аутопоэтические системы. Я немного говорю об этом в своем тексте «Машинный гетерогенез». Эстетический переход – это перекресток движения бесконечности концепта и движения конечности функции. Здесь присутствует симуляция бесконечности, конечное устройство бесконечности, которое доводит парадигму творения до точки конверсивной истерии⁷³.

Сегодня заметна тенденция стирать имя Феликса Гваттари, оставляя исключительно Делёза. Однако книгу «Что такое философия?» нельзя читать как возвращение к «истинной» философии Делёза, который «отделался» от своего друга Гваттари. Содержание, стиль, концепты, выдвинутые в этом произведении, – все противоречит этому тезису о Делёзе, которого

⁷⁰ Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, без даты (начало 1980-х годов), архивы ИМЕС.

⁷¹ Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, без даты (наверняка 1981 год), архивы ИМЕС.

⁷² Робер Маджори, интервью с автором.

⁷³ Феликс Гваттари, машинописные записки к «Что такое философия?», ИМЕС.

нужно подвергнуть «дегваттаризации»». Подобный тезис требовал бы отбросить диспозитив, построенный двумя авторами и аналогичный тому, о котором они говорят в «Ризоме», то есть диспозитив подключения, сборки, которая устанавливается между осой и орхидеей:

Орхидея детерриторизуется, формируя образ, кальку осы; но оса ретерриторируется на этом образе. Однако оса детерриторируется, сама становясь деталью аппарата репродукции орхидеи; но она ретерриторирует орхидею, транспортируя ее пыльцу. [речь идет о] захвате кода, о прибавочной стоимости кода, увеличении валентности, подлинном становлении, становлении-осой орхидеи, становлении-орхидеей ось⁷⁴.

Почему оса вступает в отношение сексуального порядка с орхидеей, если учитывать, что с одной стороны есть опыление, а с другой стороны, стороны осы, воспроизводства не будет? Этологи объясняют, что здесь имеется отношение между двумя режимами кодов, возникающее в параллельной эволюции двух видов. Эти два вида не имеют никакого отношения друг к другу, однако в какой-то момент возникает встреча, которая изменяет их становление.

Эта сборка может функционировать, по крайней мере в случае Делёза, только при том условии, что для других она закрыта. Когда возникает риск рассеяния вовне, Делёз живо реагирует, напоминая правила, условия, которые были поставлены им в самом начале. На ясном небе их дружбы лишь изредка возникала облачность в виде раздражения и кое-каких трений. Уважение к сборке стало предметом призыва к порядку в 1973 году со стороны Делёза, не пожелавшего дать себя втянуть в авантюры, которые не имеют к нему никакого отношения. Размолвка возникает из-за того, что министерство общественных работ сочло Делёза и Фуко двумя интеллектуальными авторитетами, выступающими от имени CERFI. Но Делёз не видит возможности связывать себя с CERFI:

Феликс, милый Феликс, я люблю вас, и, с моей стороны, ничто не может испортить наши отношения. Поэтому я рассказываю вам то, что меня, вдруг осенив, тревожит с внешней стороны. Я уже говорил вам недавно, что в самом начале отношений с вами я сказал Арлетт: сложность в том, что я хочу взять у Феликса то, что он никогда не захочет мне дать, а он захочет затянуть меня туда, куда я никогда не хотел бы пойти. Впрочем, еще в самом начале вы предложили расширить нашу работу вдвоем, подключив к ней некоторых членов CERFI. Я тогда сказал, что об этом не может быть и речи, и долгое время мы соблюдали эти условия – вы уважали мое одиночество, а я – ваши коллективности, никак их не касаясь⁷⁵.

Эту интенсивность дружбы замечают все близкие им люди: «Я редко видел, чтобы два человека так любили друг друга и так друг друга уважали, как Жиль и Феликс. Между ними было полное доверие. Полное, просто невероятная изумительная и человеческая связь»⁷⁶; это, правда, не помешало некоторым моментам охлаждения в их отношениях, особенно в конце 1980-х годов:

Я почувствовал прохладное отношение, когда говорил то с одним, то с другим из них. Когда я говорил как-то с Феликсом о том, что Жиль должен был сделать, Феликс мне сказал: «Ах да, жалкий старичок!» А Жиль, со своей

⁷⁴ Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*, Москва, Екатеринбург: У-Фактория, Астрель, 2010, с. 17.

⁷⁵ Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 24 июня 1973 года, ИМЕС.

⁷⁶ Джанмарко Монтесано, интервью с Виржини Линар.

стороны, как-то сказал: «Ты видишься с Феликсом, Марко?» – «Да». – «Феликс – молодец, да, большой молодец...», и внезапно повеяло холодком⁷⁷.

Казалось, что в их отношении что-то сломалось, если сравнивать с первым периодом. Ко все более длинным паузам и все более редким встречам с конца 1980-х годов добавляется превознесение Делёза, которого некоторые бы даже хотели, как мы уже отметили, «дегваттаризировать».

Однако на протяжении всей длинной депрессии, переживаемой Гваттари в эти «зимние годы», Делёз никуда не девался, он был рядом:

Изнуренный Делёз, который не может дышать, звонит мне и спрашивает, что я буду делать вечером. Я говорю: смотреть кубок Европы по футболу, поскольку я фанат. Делёз же отвечает: «А я пойду на вечеринку к Феликсу, нужно побыть с ним». Я тоже пошел туда. Феликс торжественно сидел на полу и смотрел телевизор, финал кубка Европы, а рядом с ним Жиль, который, наверное, многое бы отдал, лишь бы не быть здесь и не смотреть футбол в этой компании, ведь для него быть в присутствии двух людей сразу – уже значило быть в толпе⁷⁸.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Мишель Бютель, интервью с Виржини Линар.

Часть I

Складка: параллельные биографии

Глава 1

Феликс Гваттари. Психополитический маршрут: 1930-1964

«Малыш Пьер», как его называли дома, родился 30 марта 1930 года под знаком цифры три, последним из трех братьев: Жана, Поля и Пьера-Феликса. Его интеллектуальная судьба никак не вписывается в семейные традиции, хотя его сразу начинают воспринимать как странное и удивительное существо: «Феликс был маленьким утенком в выводке цыплят», вспоминает Жан, который был старше его на девять лет и в некоторой степени выполнял роль отцовской фигуры⁷⁹. Это была традиционная и консервативная семья, но она предоставила больше свободы младшему ребенку, который в результате смог добиться независимости быстрее, чем его братья – старший вынужден был пойти работать в семнадцать лет. Перед Пьером-Феликсом, которому в 1945 году исполнилось пятнадцать, открылся университетский мир благодаря свежему ветру, повеявшему после Освобождения.

Хотя родители Феликса и не были интеллектуалами, у них были свои увлечения: у матери, любительницы музеев, – литература, а у отца – музыка, он мог сыграть любой отрывок на фортепиано, совершенно не умея читать ноты. Но главной страстью отца была игра. Попав в газовую атаку во время Первой мировой, он перенес трепанацию черепа. Потребность в йоде заставила его выбрать в качестве летней резиденции Монте-Карло. Там он мог без помех предаваться своей страсти и ходить в казино зарабатывать деньги, как другие ходят на завод.

«Есть такая вкусная Банания»

Во время войны отец Гваттари сошелся с известным предпринимателем, неким Пьером Ларде, который в 1912 году наткнулся в Никарагуа на такой вкусный напиток, что тут же решил импортировать его во Францию. Это напиток, который станет знаменитым продуктом для завтрака *Banania*, состоящим из банановой муки, молотых хлопьев, какао и сахара. Вернувшись в 1914 году в Париж, он взялся за его промышленное производство и распространение при помощи рекламной кампании «Есть такая вкусная Банания», обязанной своим успехом популярности в 1915 году сенегальских стрелков. На волне моды на свой продукт Пьер Ларде быстро разбогател и зажил на широкую ногу – завел лошадей, одевался как крупный буржуа, посещал парижское казино. Когда кто-то из друзей посоветовал ему начать играть на бирже, он решил создать акционерное общество и купил шоколадную фабрику в Эпинэ. Но дела не заладились, и Ларде, на грани банкротства, вынужден закрыть предприятие. Начавшийся судебный процесс чуть не превратился в драму: разорившемуся патрону взбрело в голову застрелиться из револьвера прямо в зале суда.

Оказавшись во главе фабрики, на которой он раньше был управляющим, отец Гваттари решает все бросить и отправиться разводить овец в местечко под названием Ла-Рапуйер в Орне. Потерпев неудачу с овцами, он перебрался в Уазу разводить ангорских кроликов, которые были в моде после войны. Именно там, среди кроликов в Вильнёв-ле-Саблон (теперь Вильнёв-ле-Руа), неподалеку от Меру, и родился Пьер-Феликс. Но традиционный промысел – разведение ангорских кроликов быстро приходит в упадок из-за кризиса и модернизации в

⁷⁹ Жан Гваттари, интервью с автором.

текстильной отрасли, и семейство Гваттари вынуждено съесть своих: «Мой отец был не создан и для кроликов тоже», – подтверждает Жан, старший из троих детей⁸⁰. Семья возвращается в окрестности Парижа. После всех перипетий начинать все сначала непросто. Гваттари поселились в социальном жилье в районе «Город птиц» в Монруж. Отец снова пустился в безнадежные мелкие коммерческие авантюры: торговал кофеварками, потом картошкой. Этого не хватало, чтобы прокормить многочисленную семью. Терпение Гваттари-старшего было на исходе, и ходили слухи, что он подумывал о самоубийстве. Однако в 1934 году ему удается получить кредит и снова заняться шоколадом, он создает новую фирму «Монбана». Его фабрика расположена в Ла-Гаренн-Коломб; в итоге он все-таки становится главой маленького процветающего предприятия и полностью посвящает себя ему. Семейей поэтому занимается исключительно его жена, с «некоторым чувством самоотречения»⁸¹. Жанна Паоли, родом с Корсики, восстановила связь со своим итальянским прошлым, когда в 17 лет вышла замуж за Гваттари, чья семья была родом из Болоньи: «Они поженились в 1919 году. Тогда он был героем войны, и она вышла за него скорее из восхищения, чем по каким-то другим соображениям»⁸².

Мать, любившая литературу и искусство, оказала огромное влияние на младшего сына, спроецировав на него, в частности, сожаление о том, что у нее так и не родилась дочь. Пьер-Феликс, кажется, был крайне робким ребенком, замкнутым, «почти девочкой»⁸³.

В 1952 году, когда он в возрасте 22 лет покидает отчий дом и селится со своей подругой Мишлин Као на той же улице, через два дома от родителей, Гваттари упоминает в своем дневнике конфликт между Мишлин и матерью, показывающий, что мать любила его особой любовью: «Настоятельное желание матери контролировать мои ночи приводит меня в ужас, (надо заметить, что отец в этом деле остается зрителем)»⁸⁴. Некоторое время спустя он записывает: «Я никогда не осмеливался любить свою мать. Не иметь смелости полюбить свою мать – значит обречь себя на бесконечные колебания на пороге жизни. Я все время удаляюсь от мира. Я не чувствую его, не погружаюсь в него. Я одновременно и слишком близко, и слишком далеко от материнских объектов. я умираю от всего этого»⁸⁵. Три года спустя он снова пишет в дневнике:

Эта строгость, которая дает мне такую логическую твердость в рассуждениях, в материях чувств быстро оборачивается скованностью; дух системы, из-за которого за пределами собственной системы я оказываюсь безоружен, в отчаянии, в упадке, – как мне кажется, идет от моей матери. Она переезжает в Монтуар. Корит меня за то, что я ее бросил. Темперамент, не склонный делиться. Потребность в клановости у меня, видимо, тоже от нее. Я так много от нее унаследовал, потому что она дала мне жизнь, – вот так история! Она слишком на меня повлияла, жить вместе стало невозможно⁸⁶.

Одно из первых воспоминаний об отце восходит к 1933 году – Феликсу три, и отец заявляет ему: «Должен тебе сказать, что мы собираемся повернуть одно дельце». Эта фраза, родившаяся из отчаяния первых лет кризиса, отмеченная неослабевающим желанием выбраться из него, станет своеобразным принципом жизни для маленького Феликса, на которого она произвела глубокое впечатление: «По-моему, всю свою жизнь я только и делал, что проворачивал то или иное дельце»⁸⁷. Но успех этой инициативы имел свои побочные эффекты

⁸⁰ Жан Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 15 ноября 1984 года, ИМЕС.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, ИМЕС.

⁸⁴ Феликс Гваттари, тетрадь № 3, 27 ноября 1952 года, ИМЕС.

⁸⁵ Там же, 19 декабря 1952 года.

⁸⁶ Феликс Гваттари, тетрадь № 4, 13 января 1955 года, ИМЕС.

⁸⁷ Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, ИМЕС.

для младшего ребенка: родители стали реже бывать рядом, и маленький Пьер-Феликс быстро почувствовал себя брошенным. Он пытается показать, что несчастен, но не может это как следует выразить, переводит все в соматику до такой степени, что его бледность и замкнутый темперамент в конце концов начинают вызывать беспокойство у родителей. Его отводят к врачу, который советует отправить ребенка в деревню отдохнуть, и «тут меня, который был так привязан к жизни вместе с братьями и всеми остальными, отправили в Нормандию, к довольно суровой бабке, где я оказался отрезан от всего»⁸⁸. Очевидно, что Пьер-Феликс очень тяжело переживал эту разлуку, причиной которой, как ему кажется, стало отдаление матери – у нее не хватало на него времени: «Я плакал, когда они приезжали меня навестить и когда уезжали. Я был страшно несчастен»⁸⁹.

Травматическая сцена

Именно у бабушки и дедушки в Лувье произошла травматическая сцена, вызвавшая, по-видимому, радикальные изменения в его поведении. Идет 1939 год, Феликсу Гваттари девять лет. Виктор, отчим его отца, бывший шахтер из Монсо-ле-Мин, имеет обыкновение слушать радиопередачу «Предатель из Штутгарта». Для этого он уносит приемник в туалет и оставляет дверь открытой:

У него в ногах стоит коробка с вырезками: маленькие бумажные куклы, для которых я делаю одежду. Дедушка согнулся и уперся головой в колени: руки повисли. Он, что, трогает мои игрушки? Я хочу крикнуть ему! Тишина. Поворачиваю голову, медленно-медленно – к огоньку на приемнике. Страшный грохот. Он упал на пол. Бабушка закричала. Кровоизлияние в мозг⁹⁰.

В ужасе прибегает бабушка, жмет ему на уши, чтобы снова запустить сердце, затем прикрывает ему лицо газетой – от мух.

Это внезапное столкновение со смертью в возрасте девяти лет сыграло определяющую роль в формировании личности Феликса Гваттари. Даже в 54 года он повторял, что ему понадобилось много времени, чтобы освободиться от этой травмы. Его охватывали тяжелые приступы тревоги, обостренное чувство конечности жизни, пустоты и тщеты всего сущего: «Все это как будто хлынуло на меня, у меня были ужасные приступы тревоги, из-за которых я буквально цепенел от страха»⁹¹. Чтобы бабушка не была одна, родители решают, что Феликс на время останется у нее и начнет учебный год в Лувье. Чувство, что его бросили, еще больше усиливается и осложняется тревогой, вызванной скоропостижной смертью дедушки. Бабушка в конце концов поняла его чувства: «Она сказала мне: „Ты боишься, что со мной это тоже случится“»⁹². Она просит родителей забрать сына домой.

Именно тогда поведение маленького Феликса разительно изменилось. Ребенок замкнутый, робкий, если не сказать забитый, поглощенный своими игрушками и полностью подчиненный братьям, особенно среднему – Полю, сделавшему из него козла отпущения, быстро становится настоящим главарем шайки: «А после, словно одной шайки недостаточно, я организовал шайку противников»⁹³. В Ла-Гаренн-Коломб он быстро приобрел дурную славу: когда приходит время поступать в лицей, директор того, что рядом с домом, им отказывает, и мать

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Félix Guattari, *La Révolution moléculaire*, coll. «Encres», Paris: Recherches, 1977, p. 11–12.

⁹¹ Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, ИМЕС.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

Гваттари вынуждена искать учебное заведение, достаточно удаленное, чтобы сын оказался в благословенной безвестности.

Именно в лицее у Феликса Гваттари произойдет судьбоносная встреча с необыкновенным человеком, учеником известного педагога Селестена Френе, – Фернаном Ури. Прославившийся впоследствии в области институциональной педагогики, он преподает у Феликса естественно-научные предметы⁹⁴. Однако их первая встреча была короткой: после трех недель занятий Фернан Ури исчез, в 1943 году его арестовали нацисты. Но воспоминание об этом ярком событии так глубоко запало Феликсу в душу, что, когда он узнал, что после Освобождения (ему в тот момент исполнилось 15 лет) Фернан Ури занимается организацией молодежных турбаз (*auberges de jeunesse*), он сразу же записывается в эту организацию. Фернан Ури раскрыл перед Гваттари мир, где нет места холодности, которую он читал в материнском взгляде, мир братского общения. Гваттари совершенно очарован личностью и педагогическим талантом Ури: «Мне очень захотелось повидаться с Фернаном. Мне остро не хватало его особой манеры смотреть на мир, таинственного, почти поэтического тумана, окружавшего вещи, когда ты был рядом с ним»⁹⁵.

Сеть молодежных турбаз, возникшая после Освобождения, позволяет молодежи из не очень состоятельных семей совершать на каникулах походы и путешествия. Для заводилы, каким стал Гваттари, молодежные турбазы были прежде всего средой, в которой он открыл для себя общение с девочками: до тех пор он вращался только в кругу мужского братства. Во время одной такой экспедиции он оказался рядом с другим мальчиком по имени Пьер: «Я сказал: „Не нужно звать меня Пьер, можете звать меня просто Феликсом“»⁹⁶. Второе имя в итоге победило. Он обязан им шурина своего отца, дяде Феликсу, погибшему под Верденом. Этот дядя, увлекавшийся живописью и друживший с Морисом де Вламинком, оставил в его памяти неизгладимый отпечаток: «Для меня он был в своем роде идеалом»⁹⁷. Восстановление психики и погружение в мир после профессиональных провалов родителей (с их постоянной готовностью «провернуть дельце») и поразившей его смерти бабушки, таким образом, пройдут под знаком счастья и удачи (что и означает имя «Феликс»).

Итак, стремление к сиюминутному счастью и необыкновенная витальность Гваттари родились из преждевременного осознания конечности жизни, не фантазматического, а реального присутствия смерти. «Провернуть дельце» становится девизом борьбы с губительными силами и страхом перед необратимостью конца. Юный Феликс очень рано узнал о существовании смерти, еще даже до смерти бабушки. В июле 1971 года он записывает в дневнике, что, когда ему было шесть или семь лет, его преследовал один и тот же кошмар:

Дама в черном. Она подходила к кровати. Мне было очень страшно. Я просыпался от этого. Не хотел засыпать обратно. И вот однажды старший брат дал мне свое помповое ружье и сказал, что мне нужно просто в нее выстрелить, как только она придет. Больше она не приходила. Но больше всего меня удивило то – я это хорошо помню, – что я не зарядил ружье⁹⁸.

В этой Даме в черном, персонаже одноименного романа Г. Леру, узнается также реальный человек, тетя Эмилия, сестра его отца, потерявшая мужа – которого звали Феликс – в окопах Вердена: «Ну да, конечно! Шкаф (*armoire*), Дама в муаре, черное оружие (*arme noire*),

⁹⁴ Фернан Ури был разработчиком институциональной педагогики. Его целью было установить внутри школы такие правила жизни, которые бы позволяли ученикам высказываться и способствовали школьной взаимопомощи в тесном согласии между учениками и учителями. Ури хотел предложить своей педагогикой альтернативу школе-казарме.

⁹⁵ Феликс Гваттари, тетрадь № 3, 14 ноября 1952 года, ИМЕС.

⁹⁶ Феликс Гваттари, автобиографическое интервью, ИМЕС.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Félix Guattari, «Journal 1971», *La Nouvelle Revue française*, № 563, octobre 2002, p.320.

полынь (*armoise*), мое оружие (*les armes de moi*), черная полоса (*mouise*) 30-х годов, мой отец обанкротился, занявшись при поддержке этой самой тети Эмили выращиванием ангорских кроликов...»⁹⁹

Выход из войны

На момент Освобождения у Гваттари уже сформировалось политическое сознание. С 1945 года, параллельно с сотрудничеством в организации молодежных турбаз, он становится активистом Французской коммунистической партии (ФКП). Его отец, в 1930-е годы – член консервативной ассоциации «Огненные кресты» и убежденный голлист во время войны, узнает от друзей, что сын продает газету *L'Humanité* возле железнодорожного вокзала Ла-Гаренн-Коломб. Ему это совсем не нравится. Поль, средний брат, бурчит насмешливо: «Спрашивайте *L'Humidité*¹⁰⁰, центральный печатный орган холодильной партии!»

На молодежных турбазах после войны царила оживленная атмосфера. Именно в этой среде во время вечерних посиделок дебютируют многие певцы – Франсис Лемарк, *Les Frères Jacques*, *Les Quatre Barbus*, Пьер Дюдан, или актеры – например, Ив Робер. Другие члены организации становятся работниками культуры, партийными или профсоюзными активистами. Гваттари впервые знакомится здесь с девушками: Анник, которая была старше его, он приглашает к себе домой. Это не понравилось его матери, выпроводившей девушку без лишних разговоров.

Юноша начинает писать. С 1944 года он испытывает потребность записывать истории, стихи, сны. Его интеллектуальные способности налицо: «Я научился писать почти сразу, читать тоже. Другие дети в классе еще что-то мямлили, а я уже очень хорошо читал»¹⁰¹. Он успешно учится в лицее Поль-Лапи в Курбвуа, затем в старших классах – в лицее Кондорсе, где в 1948 году сдает выпускной экзамен по философии и естественным наукам. Увлечшись философией, Феликс ждет от любимого учителя какого-то знака, благословения идти по этому пути, но получает только хорошие оценки, не прибавляющие никакой уверенности: он так и не смог задать учителю прямой вопрос. Старший брат Жан, несмотря на внутреннее сопротивление Феликса, заставляет его пойти учиться на фармацевта. Тот проходит первую практику в аптеке в 1948 году в Бекон-ле-Брюйер, где ужасно скучает, и в первый год заваливает экзамены. Под строгим присмотром брата он пересдает их на следующий год, но так же безуспешно. У него только одно желание: освободиться и сдать экзамен на государственного служащего, чтобы получить материальную независимость, и он мечтает пройти по конкурсу на должность ученика инспектора почтового ведомства.

Тем временем Феликс встречает родственную душу – Мишлин Као, девушку китайского происхождения, соседку по улице Эгль в Ла-Гаренн-Коломб. С ней он познакомился в 16 лет, в 1946 году, во время поездки в Альпы в Обье-ле-Вье, которую организовал Фернан Ури. Позже она вспоминала «мальчика, который хотел походить на взрослого. Он курил трубку»¹⁰². Мишлин Као 15 лет, она заинтригована этим мальчиком, признающимся ей в вечной любви. Он кажется ей занятым, но она не испытывает к нему ничего, кроме дружеских чувств. Поэтому в течение долгого времени, до 1951 года, они играют в кошки-мышки: «Я не хотела быть с ним, но в один прекрасный день все же „уступила“, если можно так выразиться»¹⁰³. В 1951 году они решают жить вместе у родителей Мишлин, в скромной и очень радушной рабо-

⁹⁹ Ibid., p. 320.

¹⁰⁰ Букв. «влажность». – Прим. пер.

¹⁰¹ Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 10 июля 1984 года, ИМЕС.

¹⁰² Мишлин Гийе (Као), интервью с Ив Клоарек, 20 сентября 1984 года, ИМЕС.

¹⁰³ Там же.

чей семье. Семья Феликса смиряется с его уходом, но возмущена и крайне недовольна тем, что он поселился на другом конце улицы в приемной семье, окружившей его заботой: «Папаша Као приносил ему завтрак в постель!»¹⁰⁴ Родители Феликса подумали, что те решили увести у них сына. А семья Као отдает молодым первый этаж дома, чтобы они жили там в свое удовольствие. Феликс перевозит свое фортепиано и библиотеку в знак того, что переезжает надолго. Отец Мишлин принимает его как собственного сына.

Эмоциональное восстановление протекает на фоне серьезного профессионального кризиса. Гваттари с ужасом осознает, что занятия фармацевтикой совершенно отдалили его от письма, которое было для него главным источником вдохновения: «Я вдруг с горечью обнаружил, что больше не умею ни писать, ни читать, и стал переписывать книги, чтобы вернуть контакт с письмом. Помню, что переписал книжку Камю целиком»¹⁰⁵. Отсутствие диалога с отцом мешает Феликсу сориентироваться, но он все больше убеждается, что пошел по неверному пути. Тогда он решает покончить с фармацевтикой и поступить в Сорбонну на философский факультет. Отец не обращал особого внимания на страдания сына, пока однажды, после двух дней блужданий, Феликс не вернулся в родительский дом и не встретил отца, подметавшего перед домом выпавший снег. До тех пор помалкивавший, отец внезапно спросил у него: «„Пьер, почему ты хочешь бросить учебу?“ Я ответил: „Потому что она мне не нравится, это совершенно не мое“. – „А что бы ты хотел делать?“ – „Заниматься философией“. – „Ну так и занимайся“»¹⁰⁶. В эти годы Феликс страдает от пошатнувшегося образа отца, даже если в своем дневнике 1953 года по-прежнему считает, что его моральная структура списана с отцовского имаго. Он так видит своего отца: «Высоконравственный националист, „Огненные кресты“, никаких дел с немцами, радиопередачи англичан, семейное уважение, и вместе с тем он снедаем свободой: медиум, лгун, вуайер, игрок, деловая жилка, острый ум»¹⁰⁷.

В 1950-е годы на Гваттари очень повлияла фигура Сартра, вплоть до того, что в своем дневнике, в котором хорошо заметны экзистенциалистские темы, он подражает его языку: «Эта объективация (времени) посредством антитезиса помогает почувствовать время в нас, то есть отделить его от мира»¹⁰⁸. Его особенно увлекает тема времени, ничто, смерти и потребности избавиться от танатоидной тревоги, он даже продельывает феноменологические упражнения, подобно тому как другие делают духовные упражнения Игнатия Лойолы, чтобы глубже познать себя и избавиться от самообмана, знаменитой сартровской *mauvaise foi*:

Я погрузился в пучину. Жил в постоянной тревоге. В поезде я открыл метод, если таковой вообще существует, позволяющий *увидеть* собственную неподлинность: перечислять, прояснять все объекты, подданным которых невольно становишься, пока не получится своего рода пустота. Феноменологом легче быть с вещами, чем с людьми. Весь вопрос в том, что другой вас *видит*, что у него синтетическая точка зрения на ваше бытие. Все зависит от интенциональности, с которой он заставляет вас существовать для него. Сартровская борьба продолжается¹⁰⁹.

Нет никакого времени *в* мире, мы проецируем его на мир. Кому рассказать, что я понял это только вчера вечером¹¹⁰.

¹⁰⁴ Жан Гваттари, интервью с Виржини Линар.

¹⁰⁵ Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 23 августа 1984 года, ИМЕС.

¹⁰⁶ Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 10 июля 1984 года, ИМЕС.

¹⁰⁷ Феликс Гваттари, тетрадь № 4, 1 ноября 1953 года, ИМЕС.

¹⁰⁸ Феликс Гваттари, тетрадь № 1, январь 1951 года, ИМЕС.

¹⁰⁹ Феликс Гваттари, тетрадь № 2, 4 октября 1952 года, ИМЕС.

¹¹⁰ Там же, 1952.

Гваттари даже комментирует главы «Бытия и ничто» в своем дневнике. По поводу главы «Детерминация как отрицание» он записывает: «Для-себя образует мир как тотальность. Это ничто, или негация, всего, что есть бытие. Эта тотализация – тотализация *ничто* за счет бытия, она *тотализует и расчленяет в одно то же время*. У меня не получается разрушить понятие целого, я в нем застреваю»¹¹¹. Здесь возникает экзистенциальный мотив, который на протяжении всей его жизни будет толкать Гваттари на поиски сиюминутного счастья, интенсивного переживания настоящего момента и всего, к чему он обязывает:

Я испытал что-то вроде необходимости найти счастье. Но это «первичное утешение» нужно искать не в прошлом и не в будущем. Его нужно искать в самом непосредственно присутствующем бытии. Нужно, чтобы твоё бытие стало *бытием в мире*, дать миру образ счастья, пусть даже лицо этого счастья будет самым простым, лишенным всякого упования¹¹².

Замечательно. Великолепное «Б. Н...» [«Бытие и ничто»]. Я читаю и обвожу зеленым карандашом целые абзацы, и очень доволен. Это пробуждает меня ото сна¹¹³

От этой любви к Сартру Гваттари не отречется никогда, даже на закате жизни, в 1990 году он напишет:

Сартр для меня – автор порядка Гёте или Бетховена: либо ты любишь его всего целиком, либо нет. Почти пятнадцать лет своей жизни я был полностью захвачен не только текстами Сартра, но и его поступками и жестами. Все, что я мог сказать и сделать, совершенно очевидно несло на себе его отпечаток. Его трактовка неантисципации, детотализации, которая у меня превращается в становление, детерриториализацию, его концепция сериальности, инертной практики, которая подпитывает у меня группу-субъекта, его понимание свободы, ангажированности и ответственности интеллектуала, которые он воплощал, остались для меня если не императивом, то по крайней мере непосредственной данностью. Уж лучше я буду ошибаться вместе с ним, чем быть правым вместе с Раймоном Ароном¹¹⁴.

Именно в среде молодых активистов молодежных турбаз из пригородов Парижа Феликс, член компартии, но с темпераментом скорее анархистским, знакомится в 1948 году с троцкистами и становится активистом Международной коммунистической партии (РСИ), французской секции IV Интернационала, бывшей в то время небольшим кружком диссидентов-коммунистов, которых Французская компартия считала заклятыми врагами рабочего класса. Гваттари даже входит в число четырех руководителей-троцкистов парижской группы сети молодежных турбаз.

В Ла-Гаренн-Коломб существовала одна особенно активная молодежная группа: на заводе *Hispano-Suiza*. На этом престижном предприятии производились роскошные автомобили, «французские роллс-ройсы», а также двигатели, которыми оснащались все самолеты во время Второй мировой. Для города, в котором два крупных предприятия – *Peugeot* и *Hispano*, – это важнейший работодатель, центр притяжения рабочего класса. Нужно отметить, что во главе предприятия стоял сын Леона Блюма, Робер, открытый, как и его отец, для диалога и социальных инноваций. На *Hispano* организацией молодежи занимается харизматический активист Раймон Пети, быстро ставший для нее духовным отцом. Он добивается от руковод-

¹¹¹ Там же, 8 октября 1952 года.

¹¹² Там же, 13 октября 1952 года.

¹¹³ Там же, 24 октября 1952 года.

¹¹⁴ Félix Guattari, «Plûtôt avoir tort avec lui», *Libération*, 23–24 juin 1990.

ства и заводского комитета разрешения на создание «Молодежной группы *Hispano*», которая организует для молодых рабочих во время отпусков путешествия, лыжные походы, отдых на молодежных турбазах. Харизматичный Раймон Пети заражает все вокруг своим энтузиазмом и вызывает некоторые опасения у дирекции. Ему предлагают на постоянной основе войти в состав заводского комитета, чтобы заниматься досугом заводской молодежи. Осознавая опасность потерять связь со своей средой, он не может отказаться от такого «повышения». Именно благодаря постоянной должности он добивается того, что *Hispano* в 1950 году становится первым предприятием, устраивающим для молодых рабочих третью – лыжную – неделю оплачиваемого отпуска.

Троцкизм

Коммунист анархистского толка Раймон Пети ведет безжалостную войну со всеми формами бюрократического аппарата, что совсем не по вкусу руководству компартии. Исключенный из партии, он возвращается в цех, к товарищам по заводу. Один из его друзей, юный Роже Панаже, работающий на *Hispano* с 1947 года, раз в неделю проводит собрания по вопросам организации отдыха в выходные и каникулы. Вместе с «Молодежной группой» он устраивает экскурсии в музеи, занятия скалолазанием, вечера пения, народных танцев, спелеологические вылазки, киноклубы, походы в театр, учебные кружки или соревнования по волейболу: «Во время походов команды делили работу между собой: рубили дрова, убирались или чистили овощи...»¹¹⁵ Эта жизнь в коллективе разрушала иерархические границы, и между юношами и девушками завязывалась крепкая дружба.

Благодаря их заразительному энтузиазму эта деятельность выходит за рамки завода *Hispano*, группа распахивает двери перед другими молодыми людьми, занятыми в отрасли. Этот опыт привлек Феликса Гваттари, который участвовал в деятельности группы и сдружился с Раймоном Петом и Роже Панаже. Пети становится для Феликса образцом политической ангажированности: «Вчера вечером встречался с Раймоном. Я понял, что мои занятия сейчас напрямую вписываются в мой революционный идеал»¹¹⁶.

Когда в 1955 году Феликс устраивается в клинику Ла Борд, он предлагает Панаже переехать в его комнату в доме родителей Мишлин Као. Гваттари вступил в Революционное движение молодежи (MRJ), промежуточный этап на пути к вступлению в Международную коммунистическую партию (РСИ). Он проходит там испытательную стажировку, прежде чем войти в ряды пролетарского авангарда. Его причастность к троцкизму не афишируется: на дворе бум «внедрения» агентов в гущу официальных коммунистических движений. Гваттари участвует в ряде инициатив, например в «бригадах», отправляемых в Югославию на поддержку Тито, которого в то время разоблачали авторитеты компартии. Феликс, возглавивший одну из таких «рабочих бригад», в 1949 году оказался в Югославии и вместе с группой молодежи участвовал в закладке фундамента будущего университета Загреба. Как ответственный активист, он отбирал у несговорчивых добровольцев талоны на питание, если те отказывались таскать гравий или рыть траншеи.

Двойная игра, которую предполагали троцкистский активизм и хорошие отношения с членами компартии из западного пригорода Парижа, не всегда шла гладко. Во время кампании в поддержку Тито в 1950 году Феликса с его троцкистской группой взяли в кольцо громилы из компартии. Всю ночь длится осада с жестокими стычками. В местной ячейке компартии Гваттари начинает восприниматься как опасный «пропагандист Тито». Однажды его даже вызывают для объяснения его антипартийной деятельности перед товарищами. Все опасаются худ-

¹¹⁵ *Ouvriers face aux appareils, une expérience de militantisme chez Hispano-Suiza*, Paris: Maspero, 1970, p. 39.

¹¹⁶ Феликс Гваттари, тетрадь № 3, 27 ноября 1952 года, IMES.

шего, и друзья-троцкисты пытаются уговорить его не ходить на это собрание: велики шансы, что на него там набросятся. Это эпоха, когда Коминформ разоблачает «похотливых гадюк» титизма: Тито считается агентом империализма, установившим фашистскую диктатуру. Накануне собрания Гваттари участвует в потасовке в Париже, где должно было проходить подготовительное собрание перед отъездом бригад:

Нас окружили члены Секций парижской федерации. Часами приходилось отбивать атаки парижских активистов. На выходе приходилось убегать от распоясавшихся сталинистов до самого метро. Я провожал молодую югославскую девушку, работающую в посольстве, Милену, сногшибательную брюнетку¹¹⁷.

Один из троцкистов, приятель Гваттари Паоло, ранен во время драки и ходит с перевязанной головой. Он хочет пойти с Феликсом, поскольку собрание рискует перерасти в конфронтацию, но тот его отговаривает, чтобы не накалять страсти. Он идет туда один и находит способ выкрутиться, пользуясь репутацией участника молодежных турбаз: «В этом была приманка, я – тип с турбаз. Я пришел, мы подискутировали, поругались, но обошлось без всякого мордобоя»¹¹⁸. Популярность этих турбаз у молодежных групп спасла его от серьезного сведения счетов.

Политическая семья Гваттари раскололась в 1951 году на сторонников течения Пабло Франка, к которым он в конце концов примкнет (оно призывает внедряться в ряды компартии), и ламбертистов, которые выступают против внедрения. Феликс, как раз тогда поступавший на философский факультет Сорбонны, уже не может быть «засланным казачком» – он слишком хорошо известен как троцкист. Не переставая организовывать политические кружки в Сорбонне, он переключается на французско-китайскую дружбу. Все взоры обращены на восток, точнее, с момента успехов Мао в 1949 году, – на Дальний Восток.

Раймон Пети из группы *Hispano* одним из первых посетил новый Китай в 1953 году. Некоторое время спустя в 1954 году в Пекин отправилась группа из сорока французов, среди которых Жан Эффель, Рене Дюмон, Мишель Лейрис, Клод Руа и два студента. Феликс тоже собирается в дорогу: «Однажды он сказал мне: „Можешь отвезти меня завтра в Бурже? Лечу в Пекин“»¹¹⁹, – вспоминает его брат Жан, до сих пор не отошедший от удивления. Об этом блиц-вояже, одновременно пораженный и сбитый с толку, Феликс напишет в дневнике: «От поездки в Китай у меня осталось ощущение сновидения. Где я был? С кем? Кого я там изображал?»¹²⁰ Благодаря своему участию в деятельности Ассоциации французско-китайской дружбы Гваттари знакомится с историком-синологом Жаном Шено, который тогда налаживал связи между французскими интеллектуалами и активистами Китайской коммунистической партии.

Переориентировав свою политическую работу на «философскую ячейку» компартии в Сорбонне, Гваттари предлагает Дени Берже, активисту РСІ и члену ее партийного бюро, после XX съезда КПСС в 1956 году начать выпускать ротапринтный бюллетень *Tribune de discussion*. Стратегия внедрения достигла своих пределов: желание высказаться все настоятельнее требует выхода. Конъюнктура доклада Хрущева благоприятствует постановке некоторых вопросов, но время предложить альтернативную политическую организацию еще не пришло. Поэтому нужно задавать вопросы и поощрять дебаты. По настоянию Феликса в РСІ, тогда еще крошечную группу, насчитывавшую всего 80 членов, вступают среди прочих будущие антропологи Люсьен Себаг, Мишель Картри и Альфред Адлер, а также Филиппа Жирар и Анн Джаннини Монне (из семьи Жана Монне, «отца-основателя Европы»). Влияние *Tribune de discussion*

¹¹⁷ Félix Guattari, «Journal 1971», 10–23 septembre 1971, *La Nouvelle Revue française*, № 563, octobre 2002, p. 349.

¹¹⁸ Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, 23 августа 1984 года, ИМЕС.

¹¹⁹ Жан Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 15 ноября 1984 года, ИМЕС.

¹²⁰ Феликс Гваттари, тетрадь № 4, 26 ноября 1954 года, ИМЕС.

очень скоро выходит за пределы Сорбонны, и издание заручается поддержкой двух знаменитых интеллектуалов: Франсуа Шатле и Анри Лефевра. Даже Жан-Поль Сартр выражает поддержку этому проекту и фигурирует в списке его спонсоров под именем ХК («Хайдеггер-Кьеркегор») вплоть до 1958 года, когда он отступится, мотивируя это тем, что, так как Франция стоит на пороге фашизма, нужно организовать единый фронт с Французской компартией.

Осенью 1956 года, когда советские войска вошли в Венгрию, потребность в критике внутри коммунистического движения начинает ощущаться еще сильнее. Группа *Tribune de discussion* сближается с другим небольшим кружком интеллектуалов-коммунистов, издававших бюллетень «Искра» (*L'Étincelle*). Среди них есть несколько известных интеллектуалов: философ Виктор Ледюк, Жан-Поль Вернан, Ив Кашен (племянник основателя Французской компартии Марселя Кашена), Жан Брюа, Анатолий Копп, а также очень активное ядро во главе с Жераром Спитзером, активно работающее в 11-м округе Парижа. Спитзер вступил в организацию «Вольные стрелки и партизаны» в 1943 году, когда ему было 15 лет, и состоит во Французской компартии со времени Освобождения. Их всех объединяет радикальная критика сталинизма и Французской компартии за недостаточно активную борьбу против войны в Алжире. В частности, они изобличают закон о специальных полномочиях. 12 марта 1956 года генеральный секретарь Французской секции рабочего Интернационала Ги Молле, ставший президентом Совета после успеха социалистов на парламентских выборах, решает провести голосование по проекту закона о «специальных полномочиях» армии, который предоставляет ей большую свободу действий. За этот закон проголосовало большинство парламентских фракций, в том числе коммунисты. На заводе *Hispano* мгновенно вспыхивают протесты против решения отправлять призывников на войну в Алжире. Первая демонстрация протеста была организована Раймоном Пети, Роже Панаже, Раймоном Левилдье и Бриветт Бюканан и закончилась стычками с силами правопорядка в Буа-Коломб, наутро попав на первую полосу *L'Humanité*. Ассоциация двух групп продлилась недолго, поскольку аппарат Французской коммунистической партии быстро разоблачил ее как троцкистскую группировку. Большинство членов *L'Étincelle* испугались и вернулись в ряды компартии, кроме группы Спитзера (Симон Блюменталь, Поль Кальвес), которая продолжила деятельность вместе с бывшими членами *Tribune de discussion*.

Из этой перегруппировки сил вырастает новое ротапринтное издание, *Bulletin de l'opposition*, переименованное в январе 1958 года в *La Voie communiste*. Дени Берже, член бюро РСІ, борется с Пьером Франком, чтобы заставить его признать эту объединенную газету и чтобы та была не просто внутренним органом, но и продавалась в киосках. Но ему не удается убедить руководство РСІ: «Меня исключили. Я состоял в партии с 1950 года»¹²¹. Раймон Пети и Гваттари решают выйти из партии. Вместе с *La Voie communiste* на периферии троцкизма появилось не просто издание, но небольшая организация. Его первый номер ставит вопрос: «Кто мы такие? Чего хотим? Ответ: «Найти коммунистический путь для нашей страны»¹²². Для *La Voie communiste*, рожденной в самый разгар протестов против войны в Алжире, до 1962 года это будет главное поле борьбы: «Сначала Алжир!»¹²³ – провозглашается в третьем номере газеты, когда алжирский кризис потрясает основы Четвертой республики.

Руководящее ядро собирается раз в неделю. Гваттари активно пишет статьи в газету под псевдонимом Клод Арьё. В феврале 1961 года он вместе с Клодом Девилем и Жаном Лабром берет интервью у Сартра¹²⁴, и в начале 1960-х годов намеревается критически исследовать эволюцию Французской компартии. Он посвящает много материалов подготовке и проведению XVI съезда, который выступил против верности сталинизму. В газете много говорится о группе

¹²¹ Дени Берже, интервью с автором.

¹²² *La Voie communiste*, № 1, janvier 1958, archives BDIC (Библиотека международной современной документации).

¹²³ *La Voie communiste*, № 3, avril-mai 1958, archives BDIC.

¹²⁴ *La Voie communiste*, № 20, février 1961, archives BDIC.

Hispano, но она фигурирует под именем «Группа Симка» (*Simca*), чтобы не афишировать подрывную работу против сталинистского аппарата. Гваттари обеспечивает выживание издания, поскольку большая часть финансирования поступает из руководимой им клиники Ла Борд¹²⁵. В атмосфере мобилизации против войны в Алжире *La Voie communiste* очень быстро заручилась множеством важных контактов, около двухсот или трехсот: «Это соответствовало тому, как Феликс понимал работу. Людей приводят не на программу, с ними работают. Деятельность, которой он занимался в Ла Борд, напрямую ему помогла, и он начал осмысливать ее теоретически»¹²⁶. Речь шла о том, чтобы создать не сектантскую группу или классическую партию, а организацию, построенную по модели «Молодежной группы *Hispano*».

Трое руководителей *La Voie communiste*, Дени Берже, Жерар Спитзер и Роже Рей, занимаются подпольной работой, обеспечивая поддержку борьбе за независимость Алжира. Как главный редактор издания, Спитзер в конце 1959 года был обвинен в посягательстве на государственную безопасность. 27 февраля он объявил в тюрьме голодовку и продолжал ее до 20 марта 1960 года. Его освободят только 18 месяцев спустя в результате широкой кампании в его поддержку, устроенной газетой, где был образован комитет под председательством Эли Блонкура¹²⁷. Дени Берже, в свою очередь, специализируется на организации побегов. Когда 5 декабря 1958 года его задержало Управление по территориальной безопасности, он просидел в тюрьме десять дней – именно там он узнал о своем исключении из РСІ. Позднее, в феврале 1961 года, ему удается организовать побег шести женщин, принадлежавших к сети помощи Фронта национального освобождения, из парижской тюрьмы Ла-Рокет. В период с 1958 года по февраль 1965-го *La Voie communiste* выпустила 49 номеров, получив довольно широкую аудиторию для издания, не пользующегося никакой институциональной поддержкой. *La Voie communiste* сразу же поддержала «Манифест 121 о праве на неподчинение во время войны в Алжире»; как только он вышел, ее тираж был тут же арестован¹²⁸.

Два полюса *La Voie communiste* составляют *Hispano* (рабочие) и Сорбонна (студенты). Гваттари курсирует между двумя этими полюсами и успешно вербует Мишеля Картри, с которым он познакомился на подготовительных курсах в июне 1952 года. С первых же встреч между ними завязалась дружба. Мишель Картри вскоре оказывается рядом с Гваттари в группе компартии на философском факультете, которая собирается на улице Контрэскарп: «Феликс посвятил нас в троцкизм»¹²⁹. Они раскладывают *Tribune de discussion* по почтовым ящикам своих товарищей, пишут под псевдонимами и раздражают некоторых ортодоксальных активистов партии, шокированных присутствием в их рядах предателей дела пролетариата: «На одном из собраний партийной ячейки философского факультета кто-то бросил: „Среди нас есть мерзавцы“. Это сказал один из моих лучших друзей»¹³⁰. Однако, начав свою деятельность в *Tribune de discussion*, Мишель Картри ничего не знает о том, что Феликс – член троцкистской организации. Только после этого первого опыта Феликс просит его и Люсьена Себага сделать еще один шаг и вступить в IV Интернационал. В 1958 году, после того как они выступили во дворе Сорбонны на митинге против закона о специальных полномочиях, Люсьена Себага, Мишеля Картри и Филиппа Жирара исключили из Союза студентов-коммунистов (УЕС).

¹²⁵ См. главу 2 настоящего издания.

¹²⁶ Дени Берже, интервью с автором.

¹²⁷ 17 мая 1960 года президенту Республики, канцлеру и министру обороны была направлена телеграмма с требованием освободить Жерара Спитзера, подписанная Эли Блонкуром, Клодом Бурде, Альбером Шатле, Жилем Мартине, Даниэлем Мейером, Марселем Пренаном, Орестом Розенфельдом, Жан-Полем Сартром, Лораном Шварцем, текст см. в: *La Voie communiste*, № 12, avril 1960, archives BDIC.

¹²⁸ «Le Manifeste des 121», *La Voie communiste*, № 16, septembre 1960. Первая публикация текста с призывом к неподчинению.

¹²⁹ Мишель Картри, интервью с автором.

¹³⁰ Там же.

Мишель Картри разделяет со своим другом по лицу Кондорсе Альфредом Адлером любовь к Сартру: «Я бы и босиком по снегу пошел покупать свежий номер *Les Temps modernes*»¹³¹. Сближение Сартра с коммунистами заставляет Альфреда Адлера вместе с Мишелем Картри, Пьером Кластром и Люсьеном Себагом вступить в 1953 году в компартию. Именно Гваттари побуждает Адлера дистанцироваться от Сартра, рассказав ему о текстах Лакана: «С этого момента начался мой переворот»¹³². Но Адлер по-прежнему считает себя коммунистом: «У меня разве что дома не было портрета Сталина»¹³³. Перемены начинаются в 1956 году: Альфред Адлер с товарищами затевает *La Voie communiste*, где он также встречает будущих писателей Пьера Паше и Мишеля Бютеля, а также других студентов Сорбонны, входящих в «шайку» Гваттари. Среди известных новобранцев – брат Даниэля Кон-Бендита, Габи, который тоже учится на философском факультете в 1956 году.

Приятель Габи Кон-Бендита и Пьера Паше, Клод Вивьен – в 1956 году самый младший член группы философского факультета: «Это самая необыкновенная группа, какую я только встречал в жизни»¹³⁴. Он участвует во всех дискуссиях и в коллективной жизни ячейки, которая в этот период обороняется в Латинском квартале от фашистских группировок, и, естественно, выходит на протестные демонстрации против войны в Алжире. Гваттари применяет к Клоду Вивьену испытанный метод, чтобы заставить его порвать со сталинизмом. Он приглашает его на выходные в Ла Борд: «Это важнейшее событие в моей жизни. Я встретил сумасшедших, и они не так уж отличались от меня самого»¹³⁵. Как и многие другие, Клод Вивьен, приехав на пару дней, поселяется в Ла Борд, где будет работать смотрителем, продолжая учебу на философском факультете и политическую деятельность. Он участвует в оппозиционной работе вместе с *Tribune de discussion*. Феликс дает ему почитать Троцкого и побуждает вступить в IV Интернационал. Когда в 1956 году Французская коммунистическая партия распустила ячейку философского факультета и создала УЕС, он был секретарем распущенной ячейки. Вивьен вступает в *La Voie communiste* вместе с Гваттари, Жераром Спитзером, которого он глубоко уважает¹³⁶, с Дени Берже и будущим адвокатом Симоном Блюменталем.

До 1962 года *La Voie communiste* выступает эффективным рычагом в борьбе против преступлений, совершаемых в колониальной войне в Алжире, но после заключения Эвианских соглашений наступает время застоя. Кое-какие всплески политической активности еще случаются: в помещении на улице Жоффруа-Сент-Илер собирается Революционная социалистическая партия Алжира под руководством Мухаммеда Будиафа, поддерживающего контакты с *La Voie communiste*; Гваттари считает себя близким к нему¹³⁷. Но очень скоро начинается распад, а затем в 1965 году группа исчезает. Нужно сказать, что некоторые переключились на маоизм под влиянием Симона Блюменталю и Бенни Леви, тогда как другие поют осанны первому президенту Алжира Ахмеду бен Белле. В 1961 году в *La Voie communiste* можно прочесть тезисы китайских коммунистов о «мирном сосуществовании»¹³⁸, но по-настоящему маоистскую окраску газета начинает принимать уже после войны в Алжире в 1963 году. Так, она

¹³¹ Альфред Адлер, интервью с автором.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Клод Вивьен, интервью с Виржини Линар.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Жерар Спитзер окружен ореолом бывшего участника Сопротивления. Его отец, врач, из венгерских евреев, был депортирован. Он вступил в Сопротивление в Гренобле и оказался во главе «Вольных стрелков и партизан» в Париже в 1943 году в возрасте 15 лет.

¹³⁷ Entretien avec Mohammed Boudiaf, *La Voie communiste*, № 31, nov.-déc. 1962, archives BDIC.

¹³⁸ *La Voie communiste*, № 23, juin-juillet 1961, archives BDIC.

публикует политическую программу из 25 пунктов, представленную руководством Компартии Китая¹³⁹.

Такая эволюция не нравится Гваттари. В своих статьях 1964 года он занимается критическим изучением советского режима и, чувствуя, что все больше отдаляется от политической ориентации газеты, в итоге резко рвет с ней: «Я вдруг разом со всеми разорвал. В 1964-м мне все это надоело»¹⁴⁰. Этому ему не простят, особенно Жерар Спитзер, упрекавший Гваттари в том, что тот перекрыл финансирование *La Voie communiste*. Так будет и в дальнейшем: как только Гваттари чувствует, что институция начинает работать вхолостую, живя за счет своего накопленного культурного капитала, он будет без колебаний играть на опережение и разрушать ее, чтобы найти новые возможности в другом месте. В 1964 году свежую струю сулит студенческое движение, переживающее радикализацию.

Феликс: лаканианец первого призыва

В 1950-е годы, помимо репутации политического активиста, Гваттари становится известен и как специалист по Лакану. В Сорбонне он вызывает живейший интерес, так как известно, что у него можно взять почитать неопубликованные тексты Лакана. Он пользуется уважением как теоретик, способный представить новичкам эту темную теорию и в то же время имеющий реальную практику в мире безумия, руководя клиникой в Ла Борд: «В Сорбонне в то время меня называли „Лаканом“. Я всех им доставал»¹⁴¹.

В этом отношении знакомство Гваттари с Жаном Ури было судьбоносным событием. В 1945 году, по воспоминаниям, совсем еще юный Феликс, которому не было и пятнадцати, учился у Фернана Ури, часто устраивавшего встречи на молодежных турбазах. Именно в такой обстановке брат Фернана Жан, которому исполнился 21 год, знакомится с Феликсом в Ла-Гаренн-Коломб, где они оба живут. Когда Жан Ури уезжает в Сент-Альбан, знакомство с Феликсом на время прерывается. Фернан, в свою очередь, несколько обескуражен душевным разбродом, в котором пребывает Феликс, и в декабре 1950 года советует тому обратиться к его брату-психиатру. Жан тогда работал в клинике Сомери в департаменте Луар и Шер: «Фернан сказал мне тогда: „Только смотри не разбей его на кусочки“. Но я для этого ему был совершенно не нужен, он с этим и сам прекрасно справлялся»¹⁴². В этот период Гваттари изучает фармацевтику, которая наводит на него страшную тоску, зато психиатрия, которой занимается Ури, его совершенно захватывает.

В декабре 1950 года Жан Ури настоятельно советует ему почитать Лакана и даже просит держать его самого, Ури, в курсе его последних исследований, поскольку из-за загруженности работой в клинике он не может ездить на лекции в Париж. Жан Ури старше Феликса Гваттари на шесть лет и играет для него роль наставника, нового заместителя отсутствующей отцовской фигуры. В 1952 году Гваттари описывает в дневнике то, что он называет «Линией ЖУ» (Жан Ури): «Никакой защиты, всё допускать, пока нет конкретных травм (ударов и ран). Для этого нужны молчание и слабая эмоциональность. Быть проще»¹⁴³. В 26 лет Жан Ури уже психиатр-экспериментатор. Из их бесконечных разговоров рождаются некоторые советы по профессиональной ориентации. Жан поддерживает желание Феликса бросить фармацевтику и пойти учиться на философский факультет. Он советует ему, что почитать: помимо Лакана – Сартра, Мерло-Понти. Это говорит о том, какую важную роль Жан Ури сыграл в жизни Гват-

¹³⁹ *La Voie communiste*, № 36, juin-juillet 1963.

¹⁴⁰ Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 10 июля 1984 года, ИМЕС.

¹⁴¹ Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 10 июля 1984 года, ИМЕС.

¹⁴² Jean Oury, *Il, donc*, Paris: Matrices (1978), 1998, p. 25.

¹⁴³ Феликс Гваттари, тетрадь № 2, 2 октября 1952 года, ИМЕС.

тари и насколько важны были их отношения. В значительной мере это объясняет, как удалось образовать столь устойчивую «двухголовую» машину, позднее составленную ими в Ла Борд, на долю которой выпадет немало испытаний. Гваттари на мопеде мотается из Парижа в клинику Жана Ури в Сомери и обратно: «Мы спорили целыми ночами, у споров был живописный аспект в виде тестов Роршаха. Придумывали конкретную музыку, записывали пение птиц или играли в игру, которую теперь называют „мята с водой“: берешь объекты и составляешь о них фразы, чтобы создать новый синтаксис»¹⁴⁴.

Благодаря Ури Гваттари также гораздо раньше остальных интеллектуалов открывает тексты Лакана о «стадии зеркала», «агрессивности» и семье. Они производят на него такое сильное впечатление, что он почти заучивает их наизусть и в 1951–1952 годах декламирует их любому желающему. В 1953 году Гваттари присутствует в Коллеже философии на улице Ренн на лекции Лакана о Гёте. Этот человек его мгновенно очаровывает. В 1954 году Лакан приглашает его на свой семинар в больнице Святой Анны. Народу там еще очень мало: «Я был первым человеком, который не был психиатром или врачом»¹⁴⁵, присутствовавшим на этом семинаре, который пока еще не вошел в моду в Париже. В этот же период Гваттари открывает область, которую будет позднее изучать с особой интенсивностью, – область языка. 1953 год – это также год знаменитой Римской речи, в которой Лакан заявил о победе лингвистических методов в психоанализе. Но Лакан не единственный, кто вводит его в эту сферу: «Впервые я задаюсь проблемой языка. Для меня она стала вопросом, начиная с Лакана и его филиппик против Блонделя. Начиная с Изара и его беззаветной любви к поэзии. Начиная с Рудана, которому я объяснил, что только сейчас начинаю понимать его проект. Нет мышления без воплощения в языке»¹⁴⁶.

Наряду с интересом к тому, как функционирует язык, в период моды на лингвистику у него также возникает желание выразить себя, писать, которое станет повторяющейся темой, преследующей его всю его жизнь. 1 сентября 1953 года он записывает в дневнике заглавными буквами: «ХОЧУ НАПИСАТЬ КНИГУ», – а в конце месяца задается вопросом, что это могла бы быть за книга:

Писать! Я хочу писать. Это становится жгучей потребностью. Но что писать? Может быть, сначала о моих проблемах с письмом. Мог бы я писать философскую литературу? Например, написать о смерти? Но я ничего не читал. И так всегда – я ничего ни о чем не читал. Воспоминания детства? Но они не приходят по указке. Над ними нужно работать. ВЫКОПАТЬ первую яму. Это предполагает поэтическое углубление ситуации. Если исключить поэзию и философию, остается выбор между романом и дневником. Первый меня пугает, второй наводит скуку. Нельзя ли писать изо дня в день роман обо мне, Мишлин, ЖУ. «Идеальная девушка» и т. п.? Что-то, в чем бы передались и кристаллизировались мои увлечения. Написать книгу – великий миф моей юности¹⁴⁷.

Гваттари тогда говорил на «лакановском языке». Он пишет своему гуру, тот отвечает и приглашает его на встречи, дискуссии. Наконец, Гваттари ложится к нему на кушетку, опередив весь Ла Борд, платит по 50 франков за сеанс, немалую сумму по тем временам. Переубедив Клода Вивьена и устроив его в Ла Борд, он в 1956 году приводит его на семинар в больницу Святой Анны: «Там я по-настоящему впечатлился, потому что услышал человека, резко отличавшегося от известных мне профессоров Сорбонны, которые были не последние люди: Вла-

¹⁴⁴ Жан Ури, интервью с автором.

¹⁴⁵ Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 29 августа 1984 года, ИМЕС.

¹⁴⁶ Феликс Гваттари, тетрадь № 3, 28 марта 1953 года, ИМЕС.

¹⁴⁷ Там же, конец сентября 1953 года.

димир Янкелевич, Жан Валь, Фердинан Алкье. Я был совершенно покорен, и Феликс отправил меня на анализ к Лакану»¹⁴⁸. В 1954 году почти вся интеллектуальная деятельность Гваттари сосредоточена вокруг Лакана: «Философ ли я? Или я только студент философского факультета? Моя деятельность в последнее время носят на себе лишь один философский отпечаток: лекции Лакана»¹⁴⁹.

В его записях появляется тема, которую Гваттари систематизирует только позднее, но которая встречается в лекциях Лакана уже в конце 1954 – начале 1955 года, понятие машины: «Субъект как индивид-машина имеет бессознательные проявления, которые могут быть конкретизированы только при помощи специального лечения»¹⁵⁰; «Декарт: машина – это часовой механизм. Эти машины в фундаментальном отношении очень человечны (Арагон восхваляет часы)...»¹⁵¹; «Если машина инкорпорирует деградировавшие формы знания, например, демона Максвелла, она сотворит чудо. Это поможет обратить вспять энтропию»¹⁵². Машинная тематика, противопоставляемая структуре, позднее станет одной из любимых у Гваттари, а затем и у «пары» Делёз – Гваттар¹⁵³.

¹⁴⁸ Клод Вивьен, интервью с Виржини Линар.

¹⁴⁹ Феликс Гваттари, тетрадь № 4, 24 мая 1954 года, ИМЕС.

¹⁵⁰ Феликс Гваттари, «Тетрадь Лакан 1954-55», заметки к курсу 15 декабря 1954 года, ИМЕС.

¹⁵¹ Там же, заметки от 12 января 1955 года.

¹⁵² Там же, заметки от 20 января 1955 года.

¹⁵³ Félix Guattari, «Machine et structure», доклад, предназначенный для Парижской школы фрейдизма, 1969, опубликован в: *Change*, № 12; переиздано в: Félix Guattari, *Psychoanalyse et transversalité*, p. 240–248.

Глава 2

Ла Борд: между мифом и реальностью

Легендарный замок Ла Борд дал приют особой психиатрической клинике, в которой с безумием обращались совсем не так, как в других местах. Со временем Ла Борд превратилась в осуществившуюся утопию: движение снова и снова испытывает в ней себя. Брешь, пробитая в традиции отгораживания от мира безумия, эксперимент, который проводится в самом сердце региона Солонь, в департаменте Луар и Шер, словно восстанавливает связи с другими, доклиническими способами общения с сумасшедшими, существовавшими, когда не проводилось различия между безумцами и нормальными людьми, между нормой и патологией. В то же время этот опыт не отрицает необходимости применения лекарственных препаратов для лечения психотического бреда.

Совершенно отдельный мир, корабль Ла Борд пускается в плавание на просторах обширного парка площадью 18 гектаров, в центре которого возвышается столетний замок, где в начале этой авантюры разместилась клиника с ее кабинетами, кухней, гостинными, процедурной, бельевой и спальнями на этажах. Вокруг замка располагается несколько павильонов, также входящих в его орбиту. Чуть в стороне теплица, огород, а еще дальше в лесу – конюшня с манежем, курятник, свинарник. Рядом с замком стоит столетний кедр, который позднее уничтожит гроза, а еще дальше обширное болото напоминает о том, что дело происходит в Солони. Поблизости есть зал на сто человек и небольшая часовня, переделанная в библиотеку. Именно здесь, в коммуне Кур-Шеверни, в регионе Центр, неподалеку от Шамбора и в 15 километрах от Блуа, обрел форму этот коллективный опыт, направленный на то, чтобы переделать мир, при этом держась в стороне от его потрясений¹⁵⁴.

Преемственность с институциональной психотерапией

У истоков этого особого мира стоит закон первой половины XIX века, определивший в 1838 году статус «публичных учреждений для душевнобольных». Его можно рассматривать в качестве ключевого элемента политики, которая приведет к заточению душевнобольных и предоставит неограниченную власть психиатрам. Но в то же время его можно счесть формой защиты от произвола: «Закон 1838 года был законом, который при правильном применении позволял защитить человека одновременно и от семьи, и от злоупотреблений административных властей»¹⁵⁵.

Центр обновления психиатрии, расположенный в Сент-Альбане в Лозере и основанный в 1921 году доктором Тиссо, стоит у истоков лечебницы Ла Борд. В этой лечебнице особого типа кристаллизировалось радикальное изменение психиатрической практики после Второй мировой войны, и этому способствовало ее уединенное расположение. Для несогласных Сент-Альбан станет любимым местом, поскольку во время войны лечебница принимала в своих стенах целую сеть членов Сопrotивления. Сюда приезжали активисты Сопrotивления, диссиденты, среди которых были и выдающиеся интеллектуалы. После реформы Пьера Балве, приравнявшей младший медицинский персонал к врачам, произошла гуманизация всей работы лечебниц. Люсьен Боннафе, новый директор клиники, назначенный в 1942 году, коммунист и

¹⁵⁴ См.: Anne-Marie Norgeu, Roger Gemtis, *La Borde: le château des chercheurs de sens? La vie quotidienne à la clinique psychiatrique de La Borde*, Paris: Érès, 2006.

¹⁵⁵ Франсуа Тоскейес в: François Fourquet, Lion Murard, *Histoires de la psychiatrie de secteur*, Paris: Recherches (1975), 1980, p. 22.

глава партизанского подполья Лозера, разрешает больным выходить за пределы лечебницы и общаться с местным населением.

Появление в 1939 году яркой личности – Франсуа Тоскейеса – пошатнуло старые обычаи. Этот каталонский психиатр был начальником психиатрической службы испанской республиканской армии. Член партии РОУМ (троцкистская Рабочая партия марксистского единства), он бежал из франкистской Испании, перешел Пиренеи и в итоге оказался в лагере испанских беженцев в Сетфоне. Узнав от другого каталонского психиатра, Ангелса Вивеса, что Тоскейес находится в этом лагере, Поль Балве, хорошо знакомый с репутацией этого «красного психиатра», отправляется туда и привозит его в клинику в Сент-Альбана, чтобы тот поделился своим опытом и получил возможность осуществить свои идеи.

Тоскейес начал изучать психиатрию в 16 лет. Когда испанские республиканцы должны были выступить против *pronuncia-miento*¹⁵⁶ генерала Франко, ему было 24 и он уже четыре года работал врачом-психиатром в институте Пере Мата в Реусе. Он рано принял участие в новаторских экспериментах Государственной больницы Каталонии и там научился у профессора Миры-и-Лопеса оригинальной организации здравоохранения, вдохновленной немецкой психиатрией. Тоскейес пронес через границу книгу, для которой позднее закажет перевод на французский. Это была книга немца Германа Зимона, в которой тот рассказывал о своем пребывании в клинике Гютерсло и утверждал, что институт психиатрической лечебницы нуждается в лечении не меньше, чем больные, и что для этого необходимо поощрять трудовую деятельность и творчество всего больничного сообщества¹⁵⁷.

Тоскейесу с его авангардистскими взглядами подходит больница Сент-Альбана с царившей в ней во время войны атмосферой бурной интеллектуальной деятельности. Все психиатры принадлежали более или менее к одному поколению, им всем было меньше тридцати, и они хотели изобрести мир заново. Тоскейес, предложивший создать в лечебнице Сент-Альбан Клуб больных, быстро находит себя в интенсивной коллективной работе, которая приведет к созданию научного объединения Общество Жеводана: «Готовя светлое будущее, мы говорили о психиатрии, критически пересматривали основные концепции и типологию возможных действий»¹⁵⁸. В 1952 году, когда дела заставили Боннафе вернуться в Париж, Тоскейес становится главным врачом лечебницы.

Общий контекст Сопrotивления, оружие, сбрасываемое с самолетов, партизаны, которых прячут, связь с местным населением: все это делает Сент-Альбан открытым учреждением, которое сотрудничает с крестьянами и местными жандармами и практикует то, что в Обществе Жеводана называли «геопсихиатрией», то есть встраивает психиатрическую деятельность в местные традиции. Поскольку дело происходит в горах, принято посещать больных и вести медицинское наблюдение после выписки на дому.

У лечебницы были настолько тесные отношения с Сопrotивлением, что набор медицинского персонала производился исходя из интересов местной подпольной сети. Этой деятельностью руководит директор Люсьен Боннафе. Он принимает Поля Элюара, который устраивает в Сент-Альбана подпольную типографию, а также важных координаторов Сопrotивления, таких как Жорж Садуль или Гастон Бэссетт. Он встречается с философом Жоржем Кангилемом, который учился курсом младше него на медицинском факультете в Тулузе и на тот момент был помощником комиссара Республики в Клермон-Ферране: «Все это сыграло очень важную роль в истории Сент-Альбана: его связь с войной, со всевозможными движениями, возникшими во время войны: местное Сопrotивление, партизаны Оверни, гора Муше, интеллектуальное

¹⁵⁶ Речь идет о путче 17–18 июля 1936 года, с которого началась гражданская война в Испании. – *Прим. ред.*

¹⁵⁷ Hermann Simon, *La Psychothérapie de l'asile*, Paris: Société générale d'imprimerie et d'édition, 1933.

¹⁵⁸ Франсуа Тоскейес в: François Fourquet, Lion Murard, *Histoires de la psychiatrie de secteur*, p. 68.

сопротивление, подпольная типография»¹⁵⁹. Этот опыт сыграет важнейшую роль, когда откроется Ла Борд. По мнению Жана Ури, он стал «горнилом», «матрицей»¹⁶⁰.

Сразу после войны множество юных интернов выбирают Сент-Альбан. В сентябре 1947 года туда приезжает Жан Ури вместе с новым поколением, которому предстоит профессионально сформироваться в этой школе¹⁶¹. Он сразу устанавливает контакт с Тоскейесом. У Ури есть проект, придуманный им еще в 18 лет, в 1942 году: создать коллективную рабочую группу анархистского толка. Как и на Гваттари, на него сильное влияние оказал опыт жизни в пригороде Ла-Гаренн-Коломб, сеть турбаз для юношества, молодежные движения, активизировавшиеся после Освобождения. Жан Ури родился в 1924 году, он выходец из народа: его отец работал полировщиком на заводе *Hispano-Suiza*, крупном и престижном предприятии в Ла-Гаренн-Коломб.

В Сент-Альбан Жан Ури приехал с текстом выступления Лакана в мае 1947 года. Лакан будет для него главным теоретическим ориентиром на протяжении всей его психиатрической деятельности. Психиатр Ажуриагерра вместе со своим коллегой Жоржем Домезоном и социологом Жоржем Гюсдорфом организовал на улице Ульм серию выступлений в продолжение конгресса 1946 года в Бонвале, на котором Лакан развил свои идеи о каузальности в психике: «Передо мной прошло множество докладчиков, но в мае я услышал одного типа и сказал себе: „Наконец-то умный человек“. Это был Лакан; и я не изменил своего мнения»¹⁶². Эта конференция решила его судьбу. До того момента он колебался между изучением физики-химии и психиатрией: голос/путь Лакана все для него решил. Но личный контакт с мэтром удалось установить не сразу: «Только в октябре 1953 года я сумел попасть к нему в анализ, и он продолжался до 1980 года: 27 лет! По два сеанса в неделю, потому что я был неизлечим»¹⁶³. Итак, Жан Ури становится участником лакановской авантюры: раскол в 1953 году, основание Парижской школы фрейдизма в 1964-м. Четыре года он будет работать в аттестационной комиссии вместе с Лаканом, Сержем Леклером и Мустафой Сафуаном.

Новый строитель: Жан Ури

Жан Ури остается в Сент-Альбане до 1949 года, когда его позвали заменить в Сомери друга Тоскейеса – Соланеса, уехавшего в больницу в Каракасе. Итак, планировалось, что Ури приедет в Луар и Шер не более чем на месяц, но в результате он поселяется там надолго, до 1953 года. Замок Сомери, построенный в XVII веке, стал пристанищем для единственной психиатрической лечебницы в департаменте. Эта частная клиника «практически больше не работала, в ней была всего дюжина коек»¹⁶⁴. Именно в Сомери в клинике Ла Сурс формируется будущая команда Ла Борд: «В определенном смысле 1950–1953 годы, период клиники Ла Сурс, – это вершина в истории Ла Борд»¹⁶⁵.

Внутри этого микрокосма, количество больных в котором очень невелико, устанавливается стиль коллективной жизни: «Речь шла о довольно сплоченной группе, члены которой знали друг друга по движению молодежных турбаз или были родом из того же пригорода, что и Ури, Ла-Гаренн-Коломб, а к ним присоединилось некоторое число друзей»¹⁶⁶ Туда приезжают на побывку все, кто был связан с Ури: помогают с лечением и с развлечениями во время долгих

¹⁵⁹ Ibid., p. 72.

¹⁶⁰ Jean Oury, *Il, donc*, p. 73.

¹⁶¹ Жан Аим, Робер Миллон, Морис Депинуа, Клод Понсен, Роже Жанти, Орас Торрубия...

¹⁶² Жан Ури, интервью с автором.

¹⁶³ Жан Ури, интервью с автором.

¹⁶⁴ Жан Ури в: François Fourquet, Lion Murard, *Histoires de la psychiatrie de secteur*, p. 14.

¹⁶⁵ Jean Oury (dit Odin), *Histoires de La Borde, Recherches*, № 21, mars-avril 1976, p. 35.

¹⁶⁶ Феликс Гваттари, «Сетка», доклад на собрании стажеров в Ла Борд, январь 1987 года, ИМЕС.

уик-эндов или каникул, становятся настоящим племенем: «Сомери – период, который я называл периодом „изоляции“»¹⁶⁷. В Сомери Ури придумывает свою психиатрическую практику, продолжающую линию Сент-Альбана: «Психиатрия без подобной артикуляции – надувательство. Тоскейес говорил о полицентричной гетерогенности и в то же время о трансдисциплинарности. Нельзя никого лечить, не учитывая его работу, детство, материальное положение»¹⁶⁸. Когда владельцы клиники сообщают, что собираются вернуть ее себе, и не соглашаются ни на какие компромиссы, Ури решает перенести свой эксперимент в другое место.

Ури удалось создать структуру на приблизительно сорок койко-мест, но из-за изолированности в Сомери, где он был единственным официальным лицом по вопросам психиатрии на весь департамент, у него возникло сильное желание уехать и организовать собственную клинику. Случай представился в апреле 1953 года, когда Ури узнал, что в десятке километров от Сомери выставлен на продажу замок Ла Борд. Он покупает его и забирает с собой почти всех больных из Сомери и восемь человек медперсонала. Замок был в таком состоянии, что покупателя на него не нашлось бы. Жить можно было только на первом этаже, вокруг несколько строений стояли в руинах. Место было крайне уединенным, поскольку ближайшая деревня находилась в четырех километрах, а ближайший город – в тринадцати. Этот новый проект сразу же получает признание в среде психиатров: в 1954 году психиатры Луи Ле Гийян, Эвелин Кестемберг и Жорж Домезон приезжают на дискуссии с Ури и направляют к нему своих больных.

С созданием Ла Борд начинается новое революционное приключение. Тот, кто придумал клинику, в шутку даровал ей конституцию, датированную «годом I», вступившую в действие с момента открытия лечебницы в апреле 1953 года. Эта хартия устанавливает общий принцип трудового коллектива как терапевтической группы в соответствии с тремя организационными началами. Демократический централизм обеспечивает верховенство руководящей группы и соответствует марксистско-ленинскому принципу, который все еще был в моде в год смерти «отца народов». Второй принцип, отсутствие устойчивых статусов, соответствует коммунистической утопии, в которой каждый должен быть готов переключаться с физического труда на интеллектуальный и обратно: любого в клинике могут попросить сменить лечебную деятельность на работу по хозяйству, руководство занятиями в кружках или подготовку спектаклей. Налажена система ротации задач. Третий принцип, антибюрократический, определяет коллективную организацию, в которой все становится общим – ответственность, задачи и зарплаты. Эта программа еще не получила названия «институциональной психотерапии», но в ней уже можно заметить основные мотивы этого новаторского движения: «Открытые, незамкнутые пространства, свобода передвижения, критика профессиональных ролей и квалификаций, пластичность институтов, потребность в терапевтическом клубе для больных»¹⁶⁹.

Высокопарный текст иронически представляет эту ориентацию: «Онтология для недедуктивной феноменологии» с легкомысленным подзаголовком «Мята с водой». Речь о том, чтобы занять творческую позицию на еще не проторенном пути, задействовать случай и спонтанность, как в теориях сюрреалистов. Ури вспоминает в этой связи о влиянии Лакана, а также Франсиса Понжа: «Исказить объект – это подход Франсиса Понжа. Выявить в нем то, что Лакан называет Вещью. Здесь мы соприкасаемся с определенной поверхностью, с определенной семантикой, которая напрямую связывается с лечением психотиков»¹⁷⁰.

С самого начала Ури, помимо любви к обязанностям психиатра, демонстрирует большой интерес к творчеству – он посвятил этому свою диссертацию. Проводя связь между творче-

¹⁶⁷ Жан Ури, интервью с автором.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Jean Oury (dit Odin), *Histoires de La Borde*, p. 26.

¹⁷⁰ *Ibid.*, p. 31.

ством и безумием, он хочет оспорить идею, что в безумии есть только негативность: «Я представлял творчество как своего рода биологическую защиту: попытку восстановления мира, функциональную компенсацию»¹⁷¹. В диссертации Ури устанавливает связь между расколом, вызванным у психотика психическим нарушением, и производством себя: «Бред сам по себе продуктивен. [...] Я уже говорил об эстетическом „конатусе“»¹⁷².

Ури заявит, что нельзя путать клинику с «обувной фабрикой». Группа врачей Ла Борд должна избавиться от функционализма с его разделением обязанностей, специализациями и иерархиями. Он не хочет повторения того, что происходит в классических психиатрических клиниках, где работают эрготерапевты и социотерапевты, замкнувшиеся в своей специальности и отрезанные ото всех остальных. Революция должна стать перманентной, как и рефлексия, которая шаг за шагом следует за практическими инициативами, чтобы оценивать их возможную продуктивность.

Один из самых деликатных вопросов касается распределения денежного вознаграждения за работу, выполняемую в лечебнице. Поначалу был установлен очень сложный принцип определения размера заработной платы на основе временного коэфффициента, выведившегося из оценки тяжести выполняемого задания и его терапевтического потенциала. С момента создания Ла Борд Ури организует по образцу Сент-Альбана «клуб клиники»: «Первым делом доктор Оден [речь идет о Жане Ури] нашел место со стульями и столом, за которым можно было продавать мыло или ручки, играть в карты или читать журналы»¹⁷³. Как и в Сент-Альбане, цель была в том, чтобы создать социальное пространство, не связанное иерархическими властными отношениями, место общения врачей, больных, медсестер, санитаров и обслуживающего персонала. Этот клуб занимает не какое-то маргинальное место в жизни клиники. Ему отводится самый центр замка, большая гостиная на первом этаже и прилегающая к ней маленькая гостиная. Там открывается бар, в котором можно купить безалкогольные напитки, табак. Раз в две недели там проходит генеральная ассамблея, на которой выбирается руководящее бюро и его президент. Если поначалу в бюро заседают только инструкторы без участия больных, в дальнейшем ситуация изменится, когда выяснится, что многие больные способны брать на себя административную ответственность. Эта активная общественная жизнь поддерживается в Ла Борд за счет множества самых разных комитетов и собраний. Комитет «Пилотного клуба мастерских», выпускающий газету «Молния Ла Борд», организует кружки по выжиганию, хоровому пению, кукольный театр и т. д. Он следит также за финансами и имеет финансовую автономию: «Таким образом организуется формальная демократическая структура представительства пациентов»¹⁷⁴. Чтобы вовлечь всех членов персонала в отношения с больными, через семь месяцев после создания клиники принимается решение создать комиссию по меню: убрать из кухни повара и, наоборот, привлечь как можно большее число людей к приготовлению пищи – все это должно разрушить барьеры, преодолеть специализацию и запустить динамику гомогенизации группы.

Эта волюнтаристская политика порой встречается в штыки, поскольку вступает в противоречие с принципом специализации каждого сотрудника. Подобные творческие конфликты должны постоянно привлекать внимание к различиям; здесь психоз каждый раз по-новому подвергает испытанию рациональную логику. Общение, организованное в Ла Борд, стремится вывести индивидов из изоляции, избавить их от танатоидных искушений, вырвать их из импульсивного повторения путем беспрестанного создания все новых и новых групп-субъектов.

¹⁷¹ Жан Ури, «Творчество и безумие», расшифровка дебатов с Феликсом Гваттари, 1 июня 1983 года, IMES.

¹⁷² См.: Jean Oury, *Essai sur la conation esthétique*, Orléans: Le Pli, 2005.

¹⁷³ Ginette Michaud, «La notion d'institution dans ses rapports avec la théorie moderne des groupes», D. E. S., 1958, p. 89, цит. по: *Histoires de La Borde*, p. 61.

¹⁷⁴ Jean-Claude Polack, Danielle Sivadon-Sabourin, *La Borde ou le droit à la folie*, Paris: Calmann-Lévy, 1976, p. 41.

Своей целью это практическое применение принципов институциональной психотерапии ставит не столько создавать отношения, сколько «развивать новые формы субъективности»¹⁷⁵.

Феликс Гваттари держит Жана Ури в курсе своей политической деятельности и особенно семинара Лакана, который он посещает регулярно с 1950-х годов. Когда его пригласили в Ла Борд, Феликс поселился там в 1955 году вместе со своей подружкой Мишлин Као. Разделение обязанностей между двумя друзьями несколько меняется. Хотя Гваттари по-прежнему хочет заниматься поддержанием связей с внешним миром, ему также поручается руководство терапевтическим клубом клиники и организация работы. С приездом Гваттари Ла Борд быстро становится «двухголовой машиной». Эта пара друзей поможет клинике пережить все испытания и поддержать репутацию заведения, сознательно порождая неустойчивость, чтобы расшатывать свое основание и сохранять восприимчивость к инновациям.

Гваттари больше увлечен интеллектуальной новизной, воплотившейся в опыте Ла Борд, чем миром психозов: «Очень странно, но меня совершенно не интересовал мир безумия»¹⁷⁶. А вот деятельность организатора и заводилы прекрасно подходит политическому активисту: «У меня был довольно негибкий активистский стиль в работе с сотрудниками, которых удивило введение трудовой дисциплины, собраний, контроля за выполнением заданий»¹⁷⁷. Повседневная жизнь в клинике была непростой. До появления нейролептиков и медикаментозного лечения конфликты с больными могли доходить до драки, и нередко можно было получить кофеваркой или еще какой-нибудь посудиною по голове.

Гваттари, уже тогда заправский предводитель, берется за дело решительно и использует навыки дзюдоиста для подавления любых поползновений к насилию. Сотрудникам создают возможности для высказывания своих проблем и забот, и диалог позволяет разрешать споры и обеспечивать гладкое функционирование клиники. Гваттари пристально следит за некоторыми больными и активно вмешивается в их жизнь, особенно тех, кто хочет отлежаться в своих постелях. Он заставляет их выходить из комнаты и заниматься деятельностью согласно распорядку дня. На семинаре Лакана, который он регулярно посещает, и в Ла Борд Гваттари постепенно приобретает настоящий опыт психиатрической работы.

Гваттари смягчает свои методы, когда оказывается по другую сторону баррикад в качестве пациента. В 1957 году Ури послал его в Сент-Альбан к Тоскейесу, чтобы он отсиделся и не попал под призыв в армию и на Алжирскую войну. Здесь он почувствовал, сколь невыносимым может быть пребывание в лечебнице, когда авторитарный персонал держит тебя в ежовых рукавицах. В 1950-х годах в клинике ведутся дебаты о влиянии Сартра и его экзистенциалистских идей. Обсуждение с Ури отношений между врачами и младшим медицинским персоналом раскрывает это стремление к дефункционализации: «Итак, главная перспектива – исчезновение определенного числа ролей, стереотипов: нужно побыть сумасшедшим, так же как врачом или медбратом, чтобы начать поощрять человеческие отношения, не навязывающие автоматически определенные роли и стереотипы»¹⁷⁸. В Ла Борд младший медицинский персонал и инструкторы не носят белых халатов и ничем не отличаются от больных. Ури иронично переворачивает устоявшиеся ценности, согласно которым интернализация больного носит окончательный характер. Он видит в больных постояльцев, которые приходят и уходят, тогда как медицинский корпус является стабильным элементом, укорененным и хроническим. С самого начала авантюры в Ла Борд и еще раньше, в Сент-Альбане, существовала гипотеза о том, что в речи сумасшедших сокрыта истина. Не фетишизируя бред, они ищут в сумасшед-

¹⁷⁵ Феликс Гваттари, «Сетка», доклад на собрании стажеров в Ла Борд, январь 1987 года, ИМЕС.

¹⁷⁶ Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, 29 августа 1984 года, ИМЕС.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Félix Guattari, «Sur les rapports infirmiers-médecins» (1955), *Psychanalyse et transversalité*, p. 11.

шем творческое начало, на которое должно быть обращено внимание врача, то, «что называлось трансцендентальным измерением безумца»¹⁷⁹.

Гваттари очень быстро берет себе нескольких пациентов, например, Жака Бриера, который поступил в Ла Борд 29 января 1959 года. Гваттари берет его на индивидуальную психотерапию, которая продлится вплоть до его выписки в 1967 году. Гваттари применяет к Бриеру, страдающему от тревожно-фобического расстройства, сугубо классический подход: «Феликс Гваттари не разговаривал. Я ложился на кушетку. Он сидел сзади и молчал»¹⁸⁰. Жак Бриер в течение четырех лет будет занимать должность президента и казначея генеральной ассамблеи пациентов. Он пользуется настоящей финансовой автономией, ведет бухгалтерский учет, распоряжается банковским счетом в Блуа, а также пользуется щедротами Гваттари, который дает ему деньги на покупку книг по металлургии, которой он увлекается; это пригодится позднее, когда он пойдет учиться в Консерваторию искусств и ремесел. Жак Бриер ошарашен скоростью Гваттари, которого один из его приятелей прозвал *Speedy Guatt*¹⁸¹. Когда у Бриера спрашивают, что ему дал Гваттари, он отвечает: «Он позволил мне жить. Он поощрял людей реализовывать их желания; меня он побудил заняться скульптурой»¹⁸².

Среди пациентов есть один, который особенно дорог Гваттари: великий артист, поэт и музыкант, который попал в Ла Борд в 1955 году и оставался там до самой смерти 30 мая 1999 года: Жак Бесс, 1921 года рождения. Он блестяще учился в школе и попал в подготовительный класс, изучал философию и в 1943 году стал музыкальным руководителем труппы Шарля Дюллена. После Освобождения он написал музыку к нескольким фильмам Ива Аллегре, Алена Рене, сочинил концерт для фортепиано. Но после того, как в 1950 году он в одиночку пешком вернулся из Алжира, его жизнь пошла под откос. Он сменяет одну за другой тюрьмы и психиатрические лечебницы, пока Ури и Гваттари не забирают его в Ла Борд. Они откроют перед ним страницы журнала *Recherches*, где публикуются некоторые из его текстов¹⁸³.

У Жака Бесса регулярно возникает желание уехать из клиники и отправиться погулять по Парижу, он черпает в этих прогулках литературное вдохновение: «Механически возвращаясь к Сен-Жермен-де-Пре, какой данью Любви, которая не была бы данью крови, должны мы расплачиваться за необходимость всех наших прозаических актов пред лицом Неба, которое призывает нас, нелепейших из людей, к самому что ни на есть поэтическому из Альянсов!»¹⁸⁴ Гваттари выдает ему 500 франков на прогулку, но Бесс пропивает всю сумму и заканчивает день в полиции. Приходится регулярно забирать его из психиатрической лечебницы Виль-Эввар.

Бесс активно участвует во всех культурных начинаниях Ла Борд. Его даже уговаривают написать небольшую пьесу, которую репетируют по мере написания; целиком она будет поставлена в клинике под названием «Экзотический Запад». В 2004 году режиссер, его друг Жак Баратье, регулярно навещавший Бесса в лечебнице, снял о нем прекрасный фильм: в нем Лоран Терзиефф играет роль Бесса, для которой сам Бесс написал большую часть реплик; например: «Не ищите за словами болезнь, ищите поэта»¹⁸⁵.

Чтобы избежать опасности, с одной стороны, слишком больших групп, а с другой – парных отношений лишь между врачом и пациентом, в Ла Борд решают создавать небольшие объединения: «Так появилось шесть или семь групп со странными названиями. Например, после 1970 года возникла группа, называвшаяся „группа изгоев“»¹⁸⁶. Затем в Ла Борд пере-

¹⁷⁹ Жан Ури в: *Ibid.*, p. 15.

¹⁸⁰ Жак Бриер, интервью с Виржини Линар.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Жак Бесс, в частности, опубликован: *La Grande Pâques*, Paris: Belfond, 1969.

¹⁸⁴ *Ибн.*, p. 93.

¹⁸⁵ Jacques Baratier, *Rien, Voilà l'ordre*, 2004.

¹⁸⁶ Жан Ури, интервью с автором.

шли к созданию базовых терапевтических единиц (бте), предназначенных задавать правильный масштаб, позволяющий модифицировать субъективное единство пациентов. Такие единицы, разные по численности и смешанные по составу, поскольку включают в себя и пациентов, и инструкторов, становятся прочными объединениями где-то по 15 человек, чьи общие решения – непреложный закон для их членов. БТЕ заменяет субъекта, помогая справиться с трудностями, которые испытывает индивид, ориентируя свое поведение и речь на какой-то центр. В конце концов эти группы начнут производить обратный эффект гиперсемейственности, так как эти образования обнаруживают тенденцию замыкаться на себя: «Мне вспоминается один больной, поступивший в 1971 году, которому сказали: „Ты пойдешь в такую-то БТЕ“. На следующий день он пришел ко мне и сказал: „У меня проблемы с семьей“. Я нашел денег, чтобы отослать его из лечебницы»¹⁸⁷.

Нашествие «варваров»

После того, как Гваттари обосновался в Ла Борд, появились те, кого Ури окрестил «нашествием»: студенты-активисты, друзья Феликса, на время приезжающие в клинику, чтобы посмотреть на мир безумия. Роль этих «варваров», как называл их Ури, важна, поскольку клиника растет очень быстро – с 48 больных

в 1955 году до 90 в 1958-м. Эти «варвары» – выходцы из мира культуры и радикальной политики. Первыми приезжают философы из «шайки Феликса», почти все они в дальнейшем выберут гуманитарные науки: Люсьен Себаг, Мишель Картри, Альфред Адлер, Клод Вивьен и будущий психиатр Жинетт Мишо. «Варвары» встречаются с Феликсом в библиотеке Сорбонны, центре политической активности: если библиотекарь Ромё, человек энциклопедической эрудиции, приводит студентов-философов в политику через коммунистическую ангажированность, то для Гваттари дорога к обновлению политического активизма проходит через Ла Борд, к работе в которой он подключает свою «шайку».

Как только клиника Ла Борд была создана весной 1953 года, туда сразу же пригласили Мишеля Картри. «Мы жили в Ла Борд как в великой утопии. Вспоминаю, как Ури приезжал встречать нас на вокзал в Блуа. Мы всю ночь просидели у него в кабинете, комментируя „Дневник обольстителя“ Кьеркегора»¹⁸⁸. Будущему антропологу поручают присматривать за одним подопечным Гваттари – молодым шизофреником, который пишет стихи, ведет дневник и посещает семинар Лакана. Время от времени Гваттари посылает его в Париж и рассчитывает, что друг Картри его примет.

Когда начинаются каникулы, «варвары» на время обосновываются в Ла Борд и принимают полноценное участие в деятельности клиники. Им поручают типографию и гончарные мастерские, они участвуют в собраниях, на которых вместе с больными присутствуют врачи и младший медицинский персонал: «Отказ относиться к безумию как к простой болезни и увязывание его с собственными интеллектуальными исканиями, посредством языка, с поэзией – все это было в новинку. Тогда о таком еще не часто можно было услышать»¹⁸⁹. Выбрав антропологию, Картри еще больше упрочил свою связь с клиникой: его жена Кристиан решила устроиться туда медсестрой и осталась там на два года – в клинике у них родился сын.

Одноклассник Картри по лицу Альфред Адлер, тоже будущий антрополог, также прошел через захватывающий опыт Ла Борд и считал Феликса своим «гуру». Этим «варваров» окрестили «солдатами Гваттари». Как и остальные, пытаюсь уклониться от призыва на войну в Алжире, Адлер обращается в Университетский медицинский центр Парижа, к доктору Лебо-

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Мишель Картри, интервью с автором.

¹⁸⁹ Мишель Картри, интервью с Виржини Линар.

виси, тот направляет его в клинику в десятке километров от Ла Борд, которой руководит друг Гваттари, Клод Жанжирар. Так он может каждый день ездить в Ла Борд в Кур-Шеверни и вместе с Гваттари участвовать в ее деятельности. Там же, в Ла Борд, Клод Вивьен написал один из своих первых текстов о Френе: «Мы спали на чердаке замка в спальнях мешках»¹⁹⁰.

Жинетт Мишо, в свою очередь, погружается в изучение медицины и психологии. Для нее Ла Борд стала решающей вехой, позволившей ей выбрать профессию психолога: «Концепцию трансверсальности придумала именно я и рассказала о ней Феликсу, который ее развил»¹⁹¹. В то время Жинетт Мишо жила с Люсьеном Себагом, молодым философом, переключившемся на антропологию, которого рассматривают в качестве потенциального преемника Клода Леви-Стросса. Он тоже погружается в жизнь Ла Борд и привозит туда своего брата Робера Себага, блестящего математика.

За первой волной нашествия «варваров» последовала вторая, совпавшая с концом войны в Алжире и перераспределением активистских инвестиций Феликса Гваттари, переключившегося на студентов из профсоюзных кругов UNEF и членов обществ MNEF. В 1960-е годы, между провозглашением независимости Алжира (1962) и событиями 1968 года, клиника привлечет большое число студентов-стажеров, многие из которых примут участие в ее деятельности со страстью политических активистов. Для молодежи, вдохновляющейся политическими идеалами, это двойная встреча с миром психиатрии и с социальной утопией, осуществленной здесь и сейчас: «Я приехала в Ла Борд в один прекрасный летний день. Мне было лет двадцать. Война окончилась, друг вышел из тюрьмы, погода стояла хорошая...»¹⁹² Так студентка филологического факультета Мари Депюссе начинает рассказ о первой встрече с этим другим миром. В тот момент она учится в Высшей нормальной школе в Севре и регулярно ходит слушать Лакана вместе с другом, студентом-философом: это он вышел из тюрьмы, отсидев три месяца за участие в демонстрации против войны в Алжире. Решив отпраздновать его освобождение на природе, они отправляются в Ла Борд. Это любовь с первого взгляда: «Я осталась в Ла Борд потому, что сумасшедшие меня поразили, поразило то, как ими там занимаются»¹⁹³. Мари Депюссе становится стажером, когда этого статуса еще не существовало, в 1962 году. Однажды оказавшись в Ла Борд, Мари Депюссе больше оттуда по-настоящему не уезжала.

Она выступила на собрании по поводу буйного больного, с которым, казалось, можно справиться только при помощи электрошока – в Ла Борд существовал и этот аспект психиатрии, многие пациенты даже сами просили провести им эту процедуру, чтобы избавиться от тревоги. Она выразила убежденность в том, что своим провокационным и буйным поведением больной пытается завязать диалог, привлечь к себе внимание: «Феликс подошел ко мне, улыбнулся и сказал, что я должна бросить учебу, потому что мое будущее в Ла Борд. В те времена Феликс говорил: „Мир – в Ла Борд“. В значительной степени это было так»¹⁹⁴. Это предложение и привлекает Мари Депюссе, и вызывает у нее сомнения: она будет разрываться между Парижем, где продолжает учебу в Высшей нормальной школе вплоть до агрегации, и Ла Борд, куда она приезжает каждые выходные делать самую черную работу: мыть посуду, убираться. Отец-архитектор построил ей очень красивый домик в парке Ла Борд, ставшей для нее тихой гаванью.

Ее очаровал Ури, но не в меньшей степени и сам Гваттари, казавшийся ей неутомимым «продавцом надежды», способным убедить и увлечь самых упрямых и пессимистичных. Это напряжение утопизма каждый день снимается на чайной церемонии: «Какой благодатью веет

¹⁹⁰ Мишель Картри, интервью с автором.

¹⁹¹ Жинетт Мишо, интервью с Виржини Линар.

¹⁹² Marie Depussé, *Dieu gît dans les détails*, Paris: P.O.L., 1993, p. 9.

¹⁹³ Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

¹⁹⁴ Мари Депюссе в: Jean Oury, Marie Depussé, *À quelle heure passe le train...* Paris: Calmann-Lévy, 2003, p. 216–217.

от неподвижности людей, собравшихся вокруг стола за чашками липового чая в девять вечера в Ла Борд. В этот час они словно избранные. Молчаливая общность. Время приостановки, когда пребывание в клинике интериоризируется»¹⁹⁵.

Мари Депюссе оценила аналитические способности Гваттари, когда однажды во время приступа депрессии ее посетили суицидальные фантазии. Желание покончить со всем было столь велико, что его заметил ее брат, рассказавший об этом Гваттари:

Однажды я случайно столкнулась с Феликсом возле его кабинета в Ла Борд и вдруг, к моему удивлению, он сказал мне: «Ты, кажется, умирать собралась. Так я тебе кое-что скажу: ну и пожалуйста, подыхай!» И тут я засмеялась. Это было сказано так правильно, в самый нужный момент. Так работал Феликс с его талантом настоящего терапевта¹⁹⁶.

Мари Депюссе останется в Ла Борд, напишет о клинике две книги¹⁹⁷; ее литературные способности оценит Гваттари и привлечет к редакции своих текстов. Это она отговорит его продолжать занятия литературой: «Он был слишком помешан на Джойсе. Он приехал с Джойсом и умер с ним. Джойс много народу сгубил»¹⁹⁸. Зато, редактируя текст Гваттари о «трансверсальности», она поражена глубиной и насыщенностью его размышлений.

Вскоре после этого, в марте 1963 года, свои первые шаги в Ла Борд делает еще один активист, член Союза студентов-коммунистов (УЕС), Мишель Бютель. Психика его сестры в плохом состоянии, и его друг Жан-Клод Полак советует отвезти ее к Ури и Гваттари. Бютель не питает особых иллюзий в отношении этой встречи и едет на нее, чтобы выполнить родственный долг, без энтузиазма. В ту пору он страдал астмой, и в самый разгар ночи в клинике у него случается тяжелый приступ. Он идет за лекарствами, и тут появляется Гваттари: «Это была главная встреча моей жизни. Мы разговорились. Он любил знакомиться с людьми, сразу переходил к главному и мог разговаривать о чем угодно»¹⁹⁹. Гваттари, который был на десять лет старше Бютеля, привлек его широтой своих интеллектуальных интересов. Они сразу нашли общую тему – размышления о политике и политическое действие. Из этой встречи выросла многолетняя дружба. Бютель несколько раз будет проходить в Ла Борд стажировку. Его поражает вездесущность Гваттари:

В Ла Борд он был как Бог. Он был там все время. В тот период он жил в пристройке, около клиники. Как только происходила какая-то драма, даже в три часа ночи, на него всегда можно было рассчитывать. Он вел собрания на тяжелые темы. Он был душой клиники! У Ури был статус патрона, но повседневную работу этой машины обеспечивал Феликс²⁰⁰.

Со второй волной нашествия «варваров» в Ла Борд также прибыла важная фигура из крайне левых лионских кругов, активистка и бунтарка из УЕС, студентка филологического факультета Франсуаз Рутье. Ей случается ненароком нарушить многие обычаи, заведенные в Ла Борд, что не всегда было по вкусу Жану Ури.

В 1963 году в Ла Борд приезжает дипломированный психиатр, которому предстоит стать одной из опор клиники – Жан-Клод Полак, начавший изучать медицину в 1954 году, а в 1962-м закончивший университетский курс. Интерн-психиатр, он прежде всего лидер студенческого движения, в 1961 году возглавляет медицинскую секцию UNEF (Национального студенческого

¹⁹⁵ Marie Depussé, *Dieu gît dans les détails*, p. 39.

¹⁹⁶ Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

¹⁹⁷ Marie Depussé, *Dieu gît dans les détails*; Jean Oury, Marie Depussé, *À quelle heure passe le train...*

¹⁹⁸ Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

¹⁹⁹ Мишель Бютель, интервью с Виржини Линар.

²⁰⁰ Там же.

союза Франции), солидной организации, насчитывающей 12 000 членов, чье руководство занимает особенно радикальные позиции по отношению к войне в Алжире. Полак приехал в Ла Борд после крупной неудачи. Считалось, что он должен стать новым председателем UNEF, по всем признакам, выборы должны были быть чистой формальностью, так как левое крыло, которое его поддерживало, хотя и называлось «меньшинством», на самом деле было большинством. В ходе подготовки к съезду организации в Талансе у будущего кандидата в председатели спросили о его политической программе в случае победы, и тогда Полак, ко всеобщему изумлению, произнес агрессивную ультралевую речь, предложив в качестве образца для организации жесткие студенческие банды из Японии, знаменитые «Дзенгакурэн». Во избежание катастрофы меньшинству пришлось срочно искать другого кандидата, более презентабельного. Полак лишил себя шанса возглавить UNEF.

Стажировка, организованная обществом взаимопомощи Ла Борд, вызывала у Полака большой энтузиазм: «Это была любовь с первого взгляда, первое место, в котором, как мне показалось, занимаются психиатрией»²⁰¹. Полак приезжает в клинику поучиться и в 1964 году остается в ней работать, он посвятит ей книгу, которую напишет вместе со своей подругой, психиатром Даниэль Сивадон²⁰². Когда Полак открывает для себя Ла Борд, он связан с целым рядом лидеров студенческого движения, профсоюзных активистов и революционеров, он рассказывает им о своей новой страсти и говорит, что там есть один «очкарик», совершенно невероятный, с которым ночи напролет можно говорить обо всем, о жизни, смерти, любви. Он призывает их туда поехать как можно скорее и организовывает у Мари Депюссе встречу с Гваттари. Именно там рождается политический проект «Левой оппозиции», собирающейся обзавестись программой. «Шайка» Гваттари собирается в Ла Борд. Помимо Мишеля Бютеля и Жан-Клода Полака, в 1965 году приезжают также будущие социологи Лиан Мозер и Эрве Мори, Франсуа Фурке, Пьер Аручев, Жорж Прели и другие: «Мне было 26 лет, и мы все увлекались сумасшедшими»²⁰³.

Некоторые из проходивших стажировку летом 1965 года остались работать в Ла Борд, как, например, Франсуа Фурке, оставшийся осенью 1966 года: «Я попросил работу в Ла Борд. Феликс удивленно на меня посмотрел и сказал: „Что на тебя нашло? Твое будущее – университет“. Он оказался прав, позднее я ушел в университет»²⁰⁴. Но Фурке возвращается в Ла Борд в силу своеобразного императива. По окончании Школы политических наук он считает, что будет полезен клинике, переживающей серьезные организационные трудности. Гваттари только рад переложить свои обязанности на компетентного человека, такого как Фурке. Речь идет о том, чтобы получить выплаты по социальному страхованию для врачей и провести рационализацию всего управления клиникой и сотней ее пациентов, инструкторов, стажеров, санитаров и врачей. Франсуа Фурке впрягается в работу и первые месяцы регулярно работает до десяти часов вечера, разбираясь с потерянными делами пациентов и наводя порядок. Его жизнь не ограничивается сидением в кабинете; он также выполняет функции санитаря, когда требуется, работая бок о бок со своей женой Женевьевой, профессиональной медсестрой: «Я до такой степени влюбился в Ла Борд, что влюбился и в медсестру, с которой мы родили дочь»²⁰⁵. Фурке также активно участвует в деятельности различных групп и мастерских. Но, самое главное, он до 1972 года выполняет обязанности администратора под началом Гваттари.

В той же команде, которая встречается в CERFI, в 1964 году состоит друг Жан-Клода Полака, Мишель Ростен, тоже с энтузиазмом открывший для себя Ла Борд в середине 1960-х

²⁰¹ Жан-Клод Полак, интервью с автором.

²⁰² Jean-Claude Polack, Danielle Sivadon-Sibouren, *La Borde ou le droit à la folie*, préfaces de Félix Guattari et de Jean Oury.

²⁰³ Лиан Мозер, интервью с автором.

²⁰⁴ Франсуа Фурке, интервью с Жюльеттой Линар.

²⁰⁵ Франсуа Фурке, интервью с автором.

годов. Интеллектуала из Латинского квартала, только что закончившего философский факультет, привлекают царящая в Ла Борд свобода высказывания, стремление углубить теории Маркса, Фрейда и Лакана и связь с реальностью. Ростена, преподавателя философии в лицее, пугает школьная рутина. Он звонит Гваттари, тот приглашает его поработать в Ла Борд: «Он сказал мне: можешь приехать, но придется вкалывать: будешь мыть посуду, говорить с сумасшедшими, учиться делать уколы, дежурить по ночам, вместе с психами торговать цветами и обсуждать органиграммы»²⁰⁶. Ростен так увлечен, что с 1966 по 1973 год проводит в клинике по три месяца в году. В тот же период приезжает еще один член «шайки Феликса», друг Франсуа Фурке, с которым тот готовит диплом в Школе политических наук: Лион Мюрар, попавший в Ла Борд в 1966 году. Ему сразу понравилась эта клиника, в которой стремятся «разделить человека и функцию во избежание любого застоя»²⁰⁷.

В 1966 году из Пуатье приезжает на месячную стажировку Франсуа Пэн, шурином психиатра Тони Лэне. Он останется здесь на семь лет. Совсем юный, только что закончивший бакалавриат, Пэн поступает на медицинский факультет в Туре, чтобы быть ближе к Ла Борд, где он попадает под начало Фернана Делини. Его отношения с Даниэль Руло, которая тоже бросила учебу на естественно-научном факультете Жюссье, чтобы заняться медициной, и проходит анализ у Гваттари, способствуют тому, что он на долгое время включается в среду Ла Борд. С самого начала среди пятидесяти членов группы, съехавшихся со всей Франции, чтобы реформировать психиатрию, царит энтузиазм. У Франсуа Пэна очень быстро завязывается интенсивная дружба с Гваттари, которая сохранится надолго. Ури и Гваттари посылают Пэна на анализ к Тоскейесу, духовному отцу клиники: «Однажды через пять минут после того, как я лег к нему на кушетку, Тоскейес прервал меня, потому что я критиковал Ури, и разразился тирадой, обличающей Гваттари. В конце он спросил меня, сколько он мне должен, но поскольку я задолжал ему за несколько сеансов, я сказал, что мы квиты»²⁰⁸.

²⁰⁶ Мишель Ростен, интервью с Виржини Линар.

²⁰⁷ Лион Мюрар, интервью с автором.

²⁰⁸ Франсуа Пэн, интервью с автором.

Глава 3

Повседневная жизнь в Ла Борд

Общение между этими разными стратами, «автохтонами» и «варварами», врачами и больными, происходит на многочисленных собраниях в клинике, которые созываются по любому поводу. Среди них есть одно, которое уже давно стало постоянным институтом: подкомиссия по распорядку дня (SCAJ). Заседания этой комиссии, созданной в 1955 году, проводятся с регулярностью метронома до 1965 года. Каждый день после завтрака в большой гостиничной пленарное заседание задает ритм и организует жизнь лечебницы.

Многочисленные институциональные связи

С самого приезда в Ла Борд Гваттари взял на себя щекотливую роль председателя: на этих собраниях сообщается самая разная информация по организации деятельности лечебницы, а кроме того, решаются различные споры. Но для больных, оторванных от мира, это прежде всего способ воссоздания социальности: они тоже могут взять слово и включиться в безвредные перепалки: «У меня нет никаких сомнений, что это средство „локальной ресоциализации“ больных»²⁰⁹. Как указывает Гваттари, целью обмена репликами не являются знание или власть, он основан на произвольности, которая, как считается, необходима для того, чтобы «помочь больному убежать от себя»²¹⁰. Машина обмена словами работает на холостом ходу, то, что обменивается, принадлежит к порядку воображаемого, цель – лучше интегрироваться в символическое: «Это ежедневное собрание – что-то вроде шумовки, которой снимается поднявшаяся пена»²¹¹. Собрание функционирует как огромная машина, распределяющая работу по принципу максимальной мобильности.

Клиника Ла Борд разрослась настолько, что в 1957 году было принято решение отправиться, по примеру монашеских орденов эпохи Средневековья, распространять ее учение. После некоторых сложностей друг Жана Ури, Клод Жанжирар, открывает в Ла Шене новую клинику, организуемую лабордианцами во главе с Гваттари. Жанжирар практиковал в больнице Святой Анны, в Виль-д'Авре, когда пошли слухи о том, что в Ла Борд происходит что-то любопытное. В августе 1955 года он приезжает к Ури с предложением приобрести еще один замок и устроить место, похожее на Ла Борд: «Он приехал на великолепной *His-pano-Suiza*. Это произвело большое впечатление, потому что все свое детство я прожил с образом *Hispano-Suiza* в голове»²¹². В ноябре Ури находит для него красивый замок Ла Шене, требующий ремонта. Команду из Ла Борд приглашают принять участие в обустройстве, и клиника открывает свои двери в июле 1956 года.

Хотя она работает так же, как и Ла Борд, в Ла Шене с самого начала есть одно важное нововведение – так называемая сетка. Технология сетки, которая очень скоро будет перенесена в Ла Борд, где сыграет важную роль, – это практика, принесенная воспитателями, приехавшими перекрашивать стены клиники. Это новшество связано с потребностью в выполнении большого числа задач недостаточными силами добровольцев. Сетка устанавливает систему ротации некоторого числа обязанностей и имеет непререкаемую силу закона, который распространяется на весь коллектив. Кроме того, она позволяет интегрировать обслуживающий и

²⁰⁹ Félix Guattari, «La S.C.A.J. Messieurs-Dames», *Bulletin du personnel soignant des cliniques du Loir-et-Cher*, № 1, 1957, переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, p. 36.

²¹⁰ Ibid., p. 37.

²¹¹ Félix Guattari, «La S.C.A.J. Messieurs-Dames», см.: *Psychanalyse et transversalité*, P. 37.

²¹² Жан Ури, интервью с автором.

врачебный персонал. Порой отношения между двумя родственными клиниками бывали весьма напряженными: «Между Ла Шене и Ла Борд шла игра, и, как в первобытных обществах, случались похищения. Они хотели оставить у себя медсестру, которая была нужна нам. Мы похитили ее ночью»²¹³.

Поссорившись с Жанжираром, который слишком редко участвовал в собраниях в клинике, Ури решает отвести свои войска обратно. 1 июля 1957 года лабордианцы возвращаются из Ла Шене, во главе со все тем же Гваттари: «Но в Ла Борд уже не могло быть как раньше, будто ничего не случилось»²¹⁴. С июля 1957 года ежедневно проводится еще одно собрание с 18 до 19 часов. Очень быстро оно становится центром жизни Ла Борд, и на нем пытаются внедрить систему сетки, которая соединяет два несоизмеримых масштаба: аффект и распределение должностей (*l'affect et l'affectation*). Сначала сетку заполняют, чтобы закрыть пробелы в расписании дня и чтобы можно было добровольно взять на себя те или иные обязанности: «Каждый вечер бывает настоящий персидский базар. Это называлось сеткой»²¹⁵, как в Ла Шене.

Николь Гийе всю жизнь провела в мире психиатрии – ее отец служил управляющим в психиатрической лечебнице Сент-Альбана с 1934 года. Еще совсем маленькой, в возрасте 11 лет, она пропускала воскресную проповедь, хотя жила в семье практикующих протестантов, чтобы участвовать в собраниях Общества Жеводана, которые вел Тоскейес: «Уже тогда мы спорили о том, как бороться с отчуждением больных, помешать им замыкаться в себе, добиться смешения разных служб. В этой области Баве был предшественником либерализации психиатрии»²¹⁶. В 17 лет Николь Гийе знакомится с Жаном Ури, когда тот приезжает в Лозер. В университете она также знакомится с Францем Фаноном, которого привозит в Сент-Альбан, чтобы познакомить с Тоскейесом: «Я помню первый спор между Тоскейесом и Фаноном в гостиной моей матери: речь шла о том, обязательно ли медсестры должны быть дипломированными»²¹⁷. Николь Гийе еще не закончила интернатуру в Лионе, когда Ури попросил ее отправиться на помощь его другу Клоду Жанжирару, чтобы наладить в Ла Шене инсулиновую терапию. Она приезжает туда в ноябре 1956 года и остается до июля 1957 года, когда лабордианцы возвращаются в родной замок. Там пока еще нет места для врача на полную ставку, но Гваттари предлагает Николь Гийе помогать в администрации: «Феликс очень любил „деклассировать“ людей: чтобы врач работал в администрации. Психологов он ставил мыть посуду»²¹⁸.

В течение десяти лет Феликс Гваттари будет заниматься организацией работы в Ла Борд по системе, основанной на разрушении барьеров: «Сетка – это таблица с двумя колонками, позволяющая коллективно управлять распределением индивидов по задачам. Это своего рода инструмент регулирования необходимого институционального дерегулирования»²¹⁹. Цель в том, чтобы обеспечить равенство условий исходя из принципа поливалентности задач. Сам метод авторитарен, и каждый с тревогой ожидает, куда его назначит комитет по сетке. Результат был эффективным, но случались и трения: «Меня привлекал своего рода политический централизм. Как когда в политической организации решают, что завтра надо идти расклеивать листовки»²²⁰. Одни рады с головой окунуться в опыт общества, в котором оказалось стерто различие между физическим и интеллектуальным трудом, но среди медицинского персонала хватает и тех, кто скрепя сердце занимается работой по хозяйству, тогда как обслуживающий персонал с ужасом берется за медицинские обязанности.

²¹³ Там же.

²¹⁴ *Histoires de La Borde*, p. 133.

²¹⁵ *Ibid.*, p. 142.

²¹⁶ Николь Гийе, интервью с автором.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Феликс Гваттари, «Сетка», доклад, представленный на собрании стажеров, январь 1987 года, ИМЕС.

²²⁰ OSCAR (Félix Guattari), *Histoires de La Borde*, p. 226.

Сетка, расписанная на месяц, обновляется каждый день. На графике по оси абсцисс откладываются имена, а по оси ординат – дневной график; тут можно прочесть назначения: «посуда», «уборка», «курытник», «дежурство», «гончарная мастерская» и т. д., а также места приписки на более длительный период. Ничто не ускользает от сетки, и для некоторых она, как и ее составитель, является воплощением утопии. Для других же она как тяжелый каток, который проходится по индивидам и их желаниям во имя общего блага. Кроме того, распределение работы – объект сверхинтерпретации для тех, кто ему подвергается, и они видят в нем попытки Гваттари ухватиться за ту или иную фобию или комплекс, чтобы ее испытать: «Решения „сеточника“ воспринимались как приговор»²²¹. За многие годы слишком жесткая система становится поводом для все большего числа жалоб и протестов:

Все трещало по швам! Инструкторы хотят мыть посуду. Ночной медсестре надоело дежурить по 12 часов подряд, и она хочет, чтобы дежурство разделили на пятичасовые смены! Уборщица, ассистирующая врачу по время процедуры, испугалась и убежала, а потом вернулась! Еще одна уборщица водит больных в курятник! Прачка отвечает за инсулин! Все перепуталось²²².

К насильственной смене должностей добавляется проблема оплаты труда и ее подсчета. Речь даже заходит о коэффициенте «дерьмовости» каждой работы, который, естественно, трудно рассчитать научными методами. Некоторые обязанности эволюционируют самостоятельно, например, обязанность приносить поднос с едой в комнаты пациентов, которые не могут или не хотят вставать с кровати. Обслуживающий персонал должен ставить еду на подносы, которые затем разносят больным инструкторы, постепенно забывающие, что это входит в их обязанности: «Тогда эта работа по факту снова отходит обслуживающему персоналу. Скользят подносы, скользят функции»²²³.

Ури предлагает, как он выражается, «темперировать» ротацию, как в «Хорошо темперированном клавире» Баха. Клиника растет, и ему требуется все больше персонала. В 1959 году он обращается к Бриветт Бюканан, которая в качестве медицинского секретаря станет столпом заведения и членом его духовной семьи. Она тоже родом из пригорода Ла-Гаренн-Коломб, как и Ури. Там они и познакомились – вокруг молодежных турбаз, в ходе организации походов для рабочих, в молодежной группе завода *Hispano-Suiza*. Бриветт Бюканан становится подругой лидера завода *Hispano* Раймона Пети. Работая секретарем в больнице Фош в Сюрене, Бриветт приезжает в отпуск в Сомери и принимает активное участие в коллективной жизни клиники. Она останется работать в Ла Борд до самого выхода на пенсию.

В 1958 году клиника оказалась на грани банкротства. Ею руководит некая мадам Фишо, и ее управление имеет катастрофические последствия. Она тратит деньги без счета, закупает продукты в розницу по очень высоким ценам. Умея разбазаривать деньги, она при этом не в состоянии обеспечить приток доходов, и в ее кабинете, в котором живет множество кошек, царят вонь и бардак.

В апреле 1958 года, незадолго до 13 мая, происходит «государственный переворот». Во главе администрации встает Гваттари, взявший на себя руководство финансами после того, как согнал с насиженного места неумеху, что там распорядилась: «Я пошел к этой милой женщине и сказал: всё, хватит»²²⁴. Гваттари учится на ходу. Поначалу у него нет никакого руководящего опыта. Однако в 25 лет он становится настоящим директором большой клиники, которую спасает от неминуемого краха. Стоило ему заглянуть в бухгалтерскую отчетность, как он с удивлением обнаружил, что Ла Борд накопила долгов на 30 миллионов старых франков.

²²¹ Jean-Claude Polack, Danielle Sivadon-Sabouren, *La Borde ou le droit à la folie*, p. 40.

²²² *Histoire de La Borde*, p. 247.

²²³ Liane Mozère, *Le Printemps des crèches*, Paris: L'Harmattan, 1992, p. 109.

²²⁴ Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, 29 августа 1984 года, ИМЕС.

Гваттари пришлось использовать все свое очарование, в котором у него нет недостатка, чтобы убедить банкира из Блуа господина де Керотре поверить ему и позволить выплатить только самые неотложные долги клиники.

Среди многочисленных институтов, порожденных Ла Борд, – «Ротонда», политическое сердце клиники. В этой бывшей прачечной народ собирается каждую неделю обсуждать политику, последние новости. Николь Гийе, которая проработает врачом в Ла Борд до 1974 года, занимается несколькими комиссиями: по кухне, по культуре, по уборке и по меню. Получалось по одному заседанию в неделю на каждую комиссию: «На кухонную комиссию я собирала поваров и всех, кто работал на кухне. Мы составляли меню, изучали заказы и жалобы. В комитете по уборке мы следили за тем, чтобы не было сегрегации между медсестрами и уборщицами»²²⁵. К этим собраниям специальных комиссий нужно добавить пленарное заседание, называвшееся «большим собранием» или «группой групп», которое проходит в конце недели, в пятницу вечером, и на котором обсуждается общая работа клиники. Оно начинается около половины девятого вечера и заканчивается не раньше часа ночи: «Это группа, в которой врачи обсуждают жизнь клиники и в которой Феликс постоянно намечал линии ускользания. Это был и институциональный закон, и открытие возможностей. Сделать возможным невозможное»²²⁶. Позднее к этому добавились занятия по теории, проходившие в небольшой группе в кабинете Ури и в основном посвященные комментариям к Лакану, которые станут семинаром Ури.

Феликс Гваттари и Николь Гийе, со своей стороны, берут на себя заботу о том, что они называют «большой группой». Ее собрание проходит в помещении, символизирующем врачебную власть, власть Ури, но в его отсутствие, в среду в 16 часов. Это повод собрать тяжелых больных, которые не могут высказываться в других местах или заниматься предлагаемыми видами деятельности. В начале собрания все молчат, а к его концу каждый должен высказаться. Благодаря этой недирективной групповой работе Гваттари и Гийе удалось создать потребность: завсегдагаи, около 15 человек, с нетерпением спрашивают их о том, когда будет следующая «большая группа». Хотя в Ла Борд нет недостатка в группах-однодневках, эта группа может похвастаться исключительным долголетием: созданная в феврале 1961 года, она просуществует все 1970-е годы. Мари Депюссе вспоминает об одном таком собрании, на котором после долгой паузы один голос, казалось, выразил суть ужаса, каким является рождение человека, после чего снова наступила гробовая тишина,

...а потом пять минут спустя или в пяти метрах от него послышался другой голос, как будто дошедший сквозь воду, который вроде бы не реагировал на сказанное первым в обычном смысле, но на самом деле отвечал ему. Этот голос смог ответить на рождение голодом, смертью, это слова неожиданно и косвенно сработали²²⁷.

Рабочая группа по институциональной психотерапии и социотерапии

В 1960 году Жан Ури вместе с психиатрами Элен Шено, Франсуа Тоскейесом, Роже Жанти, работавшим в психиатрической больнице Сент-Альбан с 1956 по 1964 год, Жаном Аимом, бывшим троцкистом и секретарем профсоюза психиатров, и другими создает группу по изучению психиатрической практики: Рабочую группу по институциональной психотерапии и социотерапии (GTPSI). Он возвращается к давнему проекту Тоскейеса, который в 1955

²²⁵ Николь Гийе, интервью с автором.

²²⁶ Лиан Мозер, интервью с автором.

²²⁷ Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

году хотел организовать что-то вроде Французской психиатрической партии, но аббревиатура PPF, напоминая название фашистской партии Жака Дорио, оказалась не слишком удачной.

Когда эта группа образуется в 1960 году, она объединяет с десяток психиатров²²⁸, к которым после четвертой встречи в ноябре 1961 года присоединяется Гваттари, а еще некоторое время спустя – психиатры из Ла Борд: Жан-Клод Полак, Рене Бидо и Николь Гийе. Она проработает до 1965 года, даты основания Институционального психотерапевтического общества (SPI). Цель Рабочей группы – «говорить об институциональной психотерапии за пределами самих медицинских учреждений»²²⁹.

У группы вошло в привычку собираться дважды в год на выходные, каждый раз в другой гостинице, для коллективного размышления. Секретарь Ури, Бриветт Бюканан, стенографирует все дискуссии. Группа ставит перед собой задачу сформулировать особенности того круга психиатров, который принимает ряд постулатов своей дисциплины и потому не может быть причислен к каким-либо течениям антипсихиатрии²³⁰.

Эти психиатры определяют таким образом теоретическое и практическое поле, которое получит название «институциональная психотерапия». Один из его главных принципов: психических больных можно помещать только в те лечебные учреждения, которые отразили свой способ функционирования. Второй принцип: лечение психоза не может проводиться на основе якобы прямого доступа к сугубо индивидуальной патологии в отрыве от социального. Такая схема сводит лечение к интеракции между двумя индивидами: больным и врачом, тогда как в институциональной психотерапии лечение идет путем изобретения новых социальных связей и сцепок. Идеи, разработанные в начале 1960-х годов, стали продолжением сартровской концепции субъекта, который должен преодолеть свое отчуждение, чтобы выпустить собственную свободу. Таким образом, GTPSI выдвигает идею создания группы-субъекта и разрушения групп подчинения, «которым закон навязывается извне, в отличие от других групп, которые хотят учредить себя сами, приняв внутренний закон»²³¹.

Первые выступления Гваттари в рамках Рабочей группы (где он едва ли не единственный не-психиатр) кажутся умеренными и вполне традиционными, но очень скоро он отвоевывает себе важное место, и они становятся длинными и развернутыми, выходят за рамки чисто психиатрических референций, затрагивая другие области и общество в целом. В деятельности группы «заметно сообщничество Ури и Феликса, их привычка к совместному обсуждению и оперированию общими понятиями порой застаёт других участников врасплох. Споры демонстрируют, как на Ури и на Феликса внезапно находит очень стимулирующий драйв и как живо, забавно, агрессивно или же оборонительно на это реагируют другие участники»²³². Этот дуэт будет находиться в самом сердце жизни группы, и по доброй привычке они молчаливо поделят между собой роли: Ури как признанный психиатр будет использовать реплики Гваттари, чтобы оживить заседания группы, вывести разговор за рамки привычных категорий, его «дикие» гипотезы проверяются на других участниках, после чего Ури возвращает выдвинутые предложения в рамки возможного.

²²⁸ Ядро группы составляют Франсуа Тоскейес, Жан Ури, Роже Жанги, Орас Торрубия, Жан Аим, Элен Шено, Филипп Кешлен, Робер Мийон, Морис Пайо, Ив Расин, Жан Колмен, Мишель Бодри; к этой исходной группе присоединится множество других психиатров: Жизела Панков, Жан-Клод Полак, Дениз Ротберг, Николь Гийе (сведения получены от Оливье Априля).

²²⁹ Roger Gentis, *Un psychiatre dans le siècle*, Paris: Érès, 2005, p. 38.

²³⁰ См. главу 18 настоящего издания.

²³¹ Félix Guattari, «Introduction à la psychothérapie institutionnelle» (1962-63), *Psychanalyse et transversalité*, p. 42.

²³² Оливье Априль, интервью с автором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.